

*Папа, папа, бедный папа,
Ты не вылезешь из шкапа,
Ты повешен нашей мамой
Между платьем и пижамой*.*

Глава первая

1

В тот вечер у дверей закрытого клуба “Lost in Paradise”** царил необычайное оживление. Десятки людей в карнавальных костюмах и масках со смехом принимали чудаковатые позы перед кучкой репортеров, а те энергично нацеливали на них объективы фотоаппаратов. Гости предстоящей вечеринки развлекали себя таким незамысловатым способом, ожидая, когда два дюжих охранника начнут их по очереди впускать по билетам.

Билеты эти, снабженные особыми водяными знаками, напечатали ограниченным тиражом специально для сегодняшнего мероприятия. На нем должен был инкогнито присутствовать сам король русской эстрады Филипп Киркоров. Говорили, что в живописном городе S. «звезда» планирует совместить гастроли со съемками нового видеоклипа, используя здешний привлекательный ландшафт. Предполагалось, что в клипе, неустанно сменяя друг друга, будут появляться и исчезать причудливые персонажи венецианского карнавала. Певец попросил организаторов устроить маскарад в одном из элитных заведений города, чтобы тайком выбрать образы, отвечающие его творческим замыслам.

Чуть поодаль от шумной костюмированной толпы стояла парочка, одетая скорее изысканно, нежели броско. Лицо мужчины в черной треугольной шляпе и длинном, до пят, черном плаще скрывала белоснежная атласная маска с резко очерченным профилем и глубокими впадинами для глаз. Изящную фигуру его спутницы подчеркивало «шахматное» черно-белое платье с лифом без рукавов. Серебристая маска, кое-где акцентированная хрустальными бусинами и увенчанная пышными белыми перьями, прикрывала лицо молодой особы лишь на три четверти: ее чув-

---

* Название черной комедии абсурда от режиссеров Р. Куайна и А. Маккендрика (1967 г.). Оригинальное название фильма: “Oh Dad, Poor Dad, Mamma’s Hung You in the Closet and I’m Feelin’ So Sad”; перевод названия с английского: Е. Вишневецкий (здесь и далее — прим. автора).

** «Затерянные в раю» (англ.)

ственный рот оставался открытым. Время от времени губы дамы растягивались в ироничной полуулыбке, и она негромко комментировала наряды приглашенных.

— Я недавно слышала, будто бы в городе совсем перевелись идиоты, — вполголоса сказала она, с любопытством провожая взглядом вновь прибывшего гостя — вульгарно покрашенного парня в образе Мэрилин Монро, — но вот гляжу на этого милашку, и меня начинают одолевать сомнения.

— Дорогая, будь добрее к людям, — с коротким смехом, приглушенным маской, отозвался ее кавалер, — бедняга не виноват в том, что у него нет чувства стиля.

— Ну ладно этот нелепый трансвестит, — не унималась дама, — у мужчин вообще со вкусом проблемы. Но как женщина — вон, гляди, у самой двери, первая рвется в бой! — как может женщина натянуть такое? Разве это шляпа? Это какой-то катафалк с кладбищенскими васильками! У этой толпы странные представления о карнавальных костюмах. Могли бы ради интереса заглянуть в Интернет, посмотреть на настоящую венецианскую маску.

— Да ладно тебе, госпожа критикесса, — засмеялся мужчина, галантно приобнимая спутницу за талию, — тебя послушать, так только у нас двоих правильные костюмы.

— А что поделаться, Антонио, если так оно и есть? — воскликнула дама, тряхнув перьями на голове. — Хотя нет — видишь вон того человека в маске с длинным носом? Это классический образ венецианского карнавала — «Доктор Чумы»*.

— Мрачноватый, однако, персонаж для праздника, — поежившись, отозвался Антонио. Он медленно окинул взглядом мужчину с хищным клювом — тот как раз проходил мимо них и на секунду повернул к элегантной паре лицо в зловещей маске с огромными круглыми глазами. На голове у него красовался высокий черный котелок, а худощавое тело полностью скрывал черный плащ, отчего человек еще больше походил на жутковатую долговязую птицу. В руках «доктор» держал длинную трость. Поравнявшись с Антонио, он внезапно протянул к нему трость и ловко схватил его запястье загнутой ручкой, отвесив изящный поклон. Тот от неожиданности вскрикнул и отскочил в сторону, так как почувствовал, что острая металлическая поверхность оцарапала ему кожу. Человек в птичьей маске расхохотался и неторопливо пошел дальше.

2

Организаторы гастролей Филиппа Киркорова выбрали для маскарада клуб “Lost in Paradise”, потому что старинное здание, в котором он располагался, обладало рядом примечательных особенностей. Двухэтажный дом в исторической части города стоял особняком, вдали от прочих строений. Новые хозяева тщательно отреставрировали полуразрушенное здание и оснастили его по последнему слову клубной культуры. Однако у них хватило ума сохранить дивную архитектуру постройки — своенравная стилистика начала двадцатого столетия осталась нетронутой.

Проходя сквозь тяжелые входные двери с резными обрамлениями, человек попадал в огромную залу с мраморным полом. Массивные витые колонны под-

---

* Маска «Доктор Чумы» (итал.: *Medico Della Peste*) — одна из самых известных и самых ужасных масок, с длинным загнутым носом, подобным клюву. Придумал ее французский врач Шарль де Лорме для защиты от бактерий. В средние века, в период эпидемии чумы, такую маску надевали врачи, посещая пациентов. В длинный нос закладывали дезинфицирующие соли и растения, которые выделяют ароматические масла: розмарин, чеснок, можжевельник и т. п. — считалось, что они защищают от заражения болезнью. Поверх одежды врач носил темный длинный плащ из льняной или воищенной материи, а в руке держал специальную палку — чтобы не прикасаться к зачумленному руками.

пирали лепной потолок. В центре его матово поблескивала исполинская люстра из муранского стекла. На стенах между стрельчатыми окнами висели торжественные зеркала ушедших веков. Когда же посетитель поднимался по широким каменным лестницам на верхний этаж, его словно неумолимо засасывало в иное измерение пространства и времени. Внезапно он оказывался в ультрасовременном интерьере с его «кислотным» светом и хищно сверкающими поверхностями. Футуристическая мебель не имела ни одного прямого угла — казалось, она растекалась в невесомости. Потолок — то ли опрокинутое высь океанское дно, то ли преддверие ада — тоже подпирался колоннами, которые походили на мерцающие корпуса космических кораблей.

Готовясь к «венецианской» вечеринке, дизайнеры до неузнаваемости преобразили пространство помещения. С помощью передвижных панелей, легких экранов и искусного света они превратили нижний этаж в *палаццо* — грандиозный итальянский дворец с анфиладами комнат, с множеством дверей, галерей и бесконечных лабиринтообразных коридоров. Одни из них вели в новые залы с холодноватым убранством, а другие приводили к ложным дверям, за которыми ничего не было.

Когда гостям наконец-то позволили войти, на всех экранах разом вспыхнули видеопроекции. Повсюду были великолепные виды Венеции. Каналы и дворцы, неторопливые гондолы и юркие вапоретто*, храмы и площади — все это кружило голову и зачаровывало своей вневременной красотой. В других комнатах демонстрировали фрагменты из цветной и черно-белой киноклассики: «Все о Еве», «Венецианский купец», «Дети райка», «Смерть в Венеции». Некоторые экраны казались цельными, но в действительности состояли из тонких ниспадающих полос — через них можно было легко проскользнуть в соседнее помещение.

Веселая толпа рассыпалась повсюду с шутками и возгласами восхищения. Люди искали все новые комнаты, припрятанные в изысканном лабиринте дворцового пространства. Персонажи в костюмах и масках иных эпох появлялись в залах неожиданно, как привидения, и исчезали, «просачиваясь» сквозь экран. Порой их было невозможно отличить от героев кинопроекции — настолько удачно они вписывались в иллюзорный интерьер.

— Ну как тебе здесь, Антонио? — с улыбкой поинтересовалась дама. — Нравится?

— Ты еще спрашиваешь! — восторженно воскликнул ее спутник. — У меня такое ощущение, будто я попал в какой-то фильм.

— Смотри не увлекись, — пошутила та. — А то растаешь, как только отключат проекторы.

— Да ну тебя, Коломбина**, — фыркнул Антонио. — Давай пойдем наверх, посмотрим, что там...

3

Побродив немного среди колонн-обманок, попытавшись открыть несколько фальшивых дверей, они наконец вышли к помпезной каменной лестнице, что вела на второй этаж. В центре ее неподвижно стоял человек в маске «доктора Чумы»,

---

* Главный вид общественного транспорта в островной Венеции, аналог речного трамвая.

** Дама одета в традиционное платье и маску Коломбины — женского персонажа народного итальянского театра и венецианских карнавалов, поэтому Антонио так к ней обращается. Как правило, Коломбина — это соблазнительная, живая и умная горничная, которая любит свою хозяйку и остроумно покрывает ее проказы. Однако она не спешит демонстрировать свой природный ум на людях, скрывая его за комичным поведением и озорными выходками.

тот, что неприятно взволновал Антонио на улице. Когда элегантная пара поравнялась с ним, он неожиданно обратился к даме.

— Мадам, — сказал он голосом, утерывшим свои естественные краски за слоем папье-маше, — мы ведь с вами уже встречались?

— Конечно, — с улыбкой ответила та, — прошлым летом в Мариенбаде.

— Ну разумеется, — чуть громче, но так же бесцветно воскликнул «доктор». — Я прекрасно помню эти белые перья, вы лежали среди них в своей постели. Рядом с дверью было большое, огромное зеркало, и вы его почему-то боялись...

— Прошу прощения, но нас ждут, — чуть натянутым голосом, в коем Антонио почудились ноты смущения, произнесла дама. Она поспешно отвернулась от человека в жуткой маске, взяла кавалера под руку, и они продолжили подъем.

— Куда же вы опять уходите? — приглушенно крикнул ей вслед «доктор». — Почему вечно ускользаете от меня?!

— Так ты знакома с этим типом? — с ревнивой подозрительностью поинтересовался ее спутник.

— Ну разумеется, нет, — улыбаясь, возразила Коломбина. — Мы на ходу сымпровизировали сцену несуществующих воспоминаний. Ведь сегодня все здесь — *игра*... Гляди — мы вышли на знаменитую площадь Сан-Марко.

На огромном, в полстены, экране плескалась голубая морская вода. На ее поверхности мирно покачивались романтические черные гондолы, привязанные у берега. Вдоль противоположной стены убежала в перспективу объемная проекция сказочного Дворца дождей, а в глубине площади на одном из палаццо красовалась надпись «Кафе Флориан». Перед ним были выставлены столики, за которыми сидели люди в масках — они с наслаждением потягивали коктейли. Коломбина сказала, что тоже не прочь освежиться напитком.

Они подошли к барной стойке. Галантный бармен в позолоченной маске Кота* любезно подал даме бокал шампанского. Он поведал, что именно этот сорт предпочитал пить Байрон — поэт, мол, частенько захаживал сюда, когда гостил в Венеции. Коломбина поблагодарила бармена за ценные сведения, снова оперлась на руку Антонио и неторопливо повела его вдоль «берега».

— Странно, меня как будто пошатывает, — с удивлением сказал молодой человек. — Пол в самом деле неровный, или мне это только кажется?

— В Венеции нет ровных поверхностей, ведь она целиком стоит на воде, — ответила его спутница. — Видимо, ты уже успел проникнуться духом города и сейчас чувствуешь то же, что и любой венецианец: будто земля уходит из-под ног. Наверное, поэтому жизнь им кажется такой зыбкой и непредсказуемой.

Коломбина отпила глоток шампанского, одарила Антонио загадочной улыбкой, а потом расхохоталась и весело добавила:

— Шучу! На самом деле это всего лишь зрительная иллюзия. Краем глаза ты замечаешь, как на экране постоянно движется море и раскачиваются лодки. Проекция сделана в натуральную величину и кажется очень реальной, поэтому у тебя невольно возникает ощущение неустойчивости. Сознание теряется, не зна-

---

* *Ком (итал.: Gatto) — одна из традиционных масок Венецианского карнавала. Коты в Венеции были настолько редким явлением, что стали объектом одной из самых распространенных масок. По одной легенде, в Венецию из Китая прибыл бедняк, за душой у которого не было ни гроша, и единственное, чем он владел, был старый кот. Несмотря на свой преклонный возраст, кот умудрился очистить дворец дожа от мышей, и тот озолотил его хозяина. Когда разбогатевший бедняк вернулся домой, его завистливый сосед поспешил в Венецию, прихватив самые дорогие шелка и справедливо полагая, что если уж за старую животину там отвалили столько денег, то уж за ткани-то он выручит несравненно больше. Венецианский дож пришел в неописуемый восторг от вида дорогих тканей и тут же предложил торговцу самое ценное, что у него есть. Торговец с радостью согласился! Так бедный старый кот вернулся обратно в Китай.*

ет, как себя вести, а тело само начинает искать устойчивое положение, оно хочет противостоять этому кажущемуся движению. В результате же ты получаешь нечто обратное: тебя начинает нещадно штормить. А будь волны на экране посильнее, у тебя развилась бы морская болезнь...

4

Разговаривая, они приблизились к столику, за которым сидели Арлекин и Пьеро. Пьеро, одетый в воздушное белоснежное одеяние и маску с черной слезой, печально глядел в карты — он держал их в руке наподобие веера. Стройная фигура Арлекина была затянута в черно-красный костюм от Сезанна. Лицо он скрывал за маской, которую наискось перечеркивала лукаво-самодовольная улыбка. Он нервничал, ожидая, когда его меланхоличный партнер изволит сделать очередной ход, и нетерпеливо постукивал по столу костяшками пальцев.

Увидев проходившую мимо пару, Арлекин повернул к ним голову и неожиданно обратился к Антонио:

— Могу я предложить вам сыграть в карты? Я знаю одну любопытную игру — правда, я в ней всегда выигрываю.

— Если вы не можете проиграть, это уже не игра, — с прохладцей бросил через плечо молодой человек и собрался пройти мимо, но Арлекин поспешно сказал:

— Я *могу* проиграть — просто я всегда выигрываю.

— Не хотите попробовать, синьор Антонио? — предложила Коломбина, мягко останавливая спутника рукой. — Я с удовольствием понаблюдаю за вами.

— Ну ладно, если ты настаиваешь, — позволил уговорить себя Антонио. Ему и самому было любопытно, что за странную игру имел в виду Арлекин.

— Спасибо, сестра Коломбина, что убедили вашего друга составить мне компанию, — поблагодарил тот. — А то, боюсь, в обществе своего унылого приятеля я скоро усну.

Он жестом пригласил пару сесть напротив них и, бесцеремонно вырвав из рук Пьеро карты, феерично перетасовал колоду.

— Карты располагаются вот так, — сказал Арлекин, рядами выкладывая картинки сверху вниз. — Вверху — семь карт, далее — пять, три и, наконец, одна. Каждый игрок по очереди берет карты — столько, сколько захочет. Единственное условие: всякий раз брать только из одного ряда. Кто возьмет последнюю карту, тот проиграл. Извольте начинать.

Антонио несколько секунд внимательно изучал выложенную на столе треугольную композицию, потом пожал плечами и быстро взял карту из верхнего ряда. Арлекин неторопливо убрал крайнюю из пяти карт второго ряда. Антонио уверенным жестом сгреб оставшиеся наверху шесть карт, а его противник утянул еще две из второго ряда. Антонио быстро очистил остатки этого ряда, взяв последнюю из пяти карт. Арлекин небрежно убрал две карты из третьего ряда, Антонио судорожно схватил единственную карту внизу. К этому моменту он уже успел понять, что проиграл, потому как на столе оставалось всего две карты из разных рядов.

— Вам просто повезло, — с усмешкой констатировал Антонио свой проигрыш. — Я не верю, что не смогу одержать верх в этой пустячной игре. И я это сделаю, будьте спокойны. Продолжим?

— Как вам будет угодно, — с готовностью согласился человек, скрывающий лицо за маской с кривой ухмылкой. — Только чтобы повысить взаимный интерес, предлагаю играть на деньги. Вы не возражаете, сестра Коломбина?

— Я не могу распоряжаться капиталом синьора Антонио, — пожав плечами, отозвалась дама. — Только он может решать, как тратить свои деньги.

— Я согласен, — твердо произнес Антонио. — Огласите ставки, синьор.

— Предлагаю оценить каждую партию в десять тысяч рублей, — сказал Арлекин, пристально глядя на собеседника сквозь глазные прорези в маске. — Вас устраивает такое условие?

— Вы, наверное, сошли с ума, — ошалело присвистнул тот, но почему-то добавил: — Впрочем, я могу себе позволить сыграть с вами несколько раз, даже если все проиграю. Так что раскладывайте карты и делайте первый ход, синьор Арлекин.

— С удовольствием, сударь, — с готовностью сказал тот. — Только давайте все же перед началом партии положим деньги на стол. Для чистоты игры.

Он вынул из потайного кармана две пятитысячные купюры и положил их на стеклянную поверхность. Дождавшись, когда противник аккуратно положит свою долю, Арлекин отделил от третьего ряда две карты. Антонио без прежней суеты отрезал от треугольника перевернутую вершину. Через несколько ходов он вдруг с радостным изумлением увидел, что последняя карта лежит перед его самонадеянным партнером. Со смехом сгребая выигрыш со стола, Антонио окинул победоносным взглядом Арлекина, и ему показалось, что даже ухмылка на его маске оплыла и стала грустной-грустной.

— Вас сгубила излишняя самоуверенность, дорогой Арлекин, — довольным тоном сказал победитель. — Ну что, продолжим? Коломбина, тебе не скучно наблюдать за грубыми потехами двух мужчин?

— Нисколько, синьор Антонио, — возразила та, допивая последний глоток шампанского. — Наоборот, эта абсурдная игра кажется весьма любопытной.

В течение следующих двух минут Антонио молниеносно проиграл двадцать тысяч рублей, но, тайком покусывая губы, упрямо отсчитал деньги для новой партии.

— Я заметила, что проигрывает тот, кто начинает, — шепнула ему на ухо спутница. — Мне кажется, в этом и состоит весь трюк.

— Синьор Арлекин, извольте начать партию, — вежливо, но твердо попросил партнера Антонио. И когда «непобедимый игрок» через несколько секунд снова позорно проиграл, он послал Коломбине торжествующий взгляд, в котором прочитывалась признательность за своевременную подсказку.

— Мне кажется, дорогой Арлекин, вы слишком рано присвоили себе лавры победителя, — с едва различимой издевкой произнес Антонио, аккуратно укладывая выигрыш в карман. — И еще, кажется, вы не любите начинать первым. Вас это нервирует. Поэтому извольте-ка снова сделать первый ход.

— С удовольствием, — сдержанно согласился Арлекин. — Мало того, вы можете указать мне, какую карту взять.

— Вот эту, — сказал «Антонио», показав на крайнюю левую карту в верхнем ряду. Арлекин с готовностью выполнил указание партнера, но, к удивлению последнего, снова одержал верх. Потом он с легкостью обыграл Антонио еще четыре раза подряд, хотя неизменно начинал игру первым.

— Кажется, твоя теория первого хода не прошла испытание практикой, — слегка нервничая, сказал Антонио даме. — Будут еще какие-то соображения насчет того, как выиграть? А то у меня деньги начали подтаивать.

— Мне показалось, что синьор Арлекин в своих удачных партиях брал только четное число карт и каждый раз менял ряд, — поделилась своими наблюдениями Коломбина. — А вы уверены, Антонио, что не хотите остановиться?

— Нет, не хочу, — упрямо тряхнув головой, заявил тот. — Я должен отыграться.

— Ну хорошо, — сказала спутница Антонио, вставая со стула. — Пока вы отыгрываетесь, я немного прогуляюсь и, пожалуй, выпью еще шампанского. Желаю удачи.

Однако с уходом Коломбины удача окончательно повернулась к Антонио тыльной стороной. Он наугад пробовал применять то одно правило, то другое, но ничего не помогало — он стремительно проигрывал деньги. Когда Антонио отдавал невозмутимому Арлекину последние десять тысяч, руки его дрожали.

— Если хотите, можете сыграть в долг, — внезапно великодушно предложил Арлекин. — Коли повезет, отыграетесь, в противном случае возвратите деньги в другой раз.

Арлекин сквозь прорези в маске пристально смотрел своими черными глазами в лицо Антонио, и взгляд его был полон благожелательного поощрения. От этого взгляда Антонио почувствовал спокойную уверенность в своих силах и даже некоторое тщеславие оттого, что ему, незнакомцу без лица, оказывают такое доверие.

— Я согласен, — наконец сказал он.

— Отлично, — мягко произнес Арлекин. — Друг мой Пьеро, не затруднит ли вас записывать результаты наших партий, чтобы все было открыто и максимально точно?

По-прежнему не произнося ни слова, плачущий Пьеро вынул из кармана несколько белоснежных листов бумаги, а из пышного манжета достал ручку в виде черного гусяного пера. Все это он беззвучно положил на стол и снова застыл в горестной позе, подперев щеку рукой. После каждой новой партии Пьеро на несколько секунд выходил из меланхолического погружения в себя, скрупулезно записывал проигрыш Антонио и снова замирал в неподвижности.

Словно замороженный, Антонио продолжал эту странную игру, не в силах остановиться. С легкостью потеряв сто тысяч уже несуществующих рублей, он даже не подумал о том, что это сумасшествие следовало бы прекратить. Молодой человек лишь попросил минутную передышку и огляделся в поисках своей элегантной спутницы. Ему хотелось, чтобы она вновь сидела рядом и давала советы, пусть даже они не всегда приводили к выигрышу. Однако он не увидел Коломбины среди веселых гостей. Вместо нее он с неприязнью в душе заметил «доктора Чумы» — тот в одиночестве сидел чуть поодаль и потягивал коктейль. На краткий миг их взгляды пересеклись, но Антонио тут же поспешил отвести глаза и вернуться к игре.

Когда долг обезумевшего молодого человека достиг почти трехсот тысяч, он внезапно выиграл три раза подряд. С радостью в сердце Антонио ощутил, что вот-вот одержит полную победу, и его охватил недобрый азарт. Он совершил последний отчаянный нырок в игру, чтобы в один момент вдруг очнуться и понять: произошло нечто столь же страшное, сколь и нелепое.

— Дорогой синьор Антонио, — бесстрастно произнес Арлекин, мгновенно приводя его в чувство, — желаете еще попытать счастья или хотите завершить игру? Вы проиграли шестьсот восемьдесят тысяч рублей.

— Шестьсот восемьдесят тысяч? — глухим голосом переспросил Антонио. Он почувствовал, как вся кровь отлила от его лица. — Неужели так много?

— Именно столько, — спокойно подтвердил Арлекин, подавая ему записи ходов, которые сделал молчаливый Пьеро. — Извольте ознакомиться.

— Да, все верно, — прошептал молодой человек, отказываясь поверить в то, что собственноручно загнал себя в ловушку. — Но у меня нет таких денег.

— Ну разумеется, — с готовностью сказал Арлекин. — Мы же договорились, что вы вернете долг позже. Когда вам будет удобно передать нам сумму?

— Я... я не знаю... для меня это огромные деньги, — заикаясь от ужаса, пролепетал Антонио. — Я столько и за год не заработаю.

— Ну же, дорогой Антонио, не будьте ребенком, — сказал Арлекин. Голос его мгновенно стал металлическим, а лукавая улыбка на маске, казалось, превратилась

в презрительную усмешку. — Мы не намерены столько ждать. Максимальный срок, который мы можем вам дать на поиски денег — четыре месяца. Тридцать первого октября вы передадите мне в руки ровно шестьсот восемьдесят тысяч рублей. В противном случае мы будем вынуждены положить вас на операцию по удалению почки. На ваш выбор — правой или левой. Мой друг Пьеро срочно нуждается в пересадке почки и не может ждать бесконечно. Ведь правда, мой друг?

Вместо ответа печальный Пьеро извлек из-под пышной блузы черный кожаный футляр. Он вытащил из него ослепительный нож для разделки мяса и флегматично положил его на стол поверх разбросанных карт.

— Дорогой синьор Антонио, — мягко сказал Арлекин онемевшему от страха игроку, — сейчас вы напишете расписку о том, что обязуетесь вернуть в срок проигранные деньги или в качестве эквивалента передать свой внутренний орган в пользу страждущих. И не заставляйте нас самих оперировать вас. Поверьте, у нас это получится намного хуже.

Словно во сне, Антонио неровным почерком написал на листе бумаге текст, который методично продиктовал ему Арлекин, поставил подпись и трясущимися руками передал расписку Пьеро. Тот свернул ее в несколько раз, аккуратно убрал в футляр вместе с ножом, и все это снова исчезло в складках его белоснежной одежды.

— Ну а теперь — веселиться! — воскликнул Арлекин. — Карнавал в разгаре!

5

Столик с жуткой парочкой остался в глубине площади. Стараясь сохранять внешнюю невозмутимость, незадачливый игрок двигался вдоль «береговой линии». Он то и дело наткался на веселых участников вечеринки. Ноги Антонио были словно набиты ватой, и его в самом деле нешуточно «штормило», однако он отчаянно пытался не терять твердость походки.

Внезапно Антонио ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Он обернулся и с содроганием увидел, что за ним на некотором расстоянии следует «доктор Чумы» со своей неприятной тростью в руках. Стараясь не поддаваться панике и не броситься от него наутек, Антонио начал незаметно прибавлять шаг. «Только бы добраться до лестницы, — думал он, — а там уже можно и деру дать — к черту условности!»

Дойдя до лестничного пролета, синьор Антонио еще раз огляделся. Человек с птичьим носом все так же настойчиво следовал за ним. Уверенно лавируя среди людей в маскарадных костюмах, он тоже набирал скорость и определенно намеревался его догнать.

Не в силах больше сдерживать себя, Антонио ринулся по ступеням вниз. Ему было необходимо опередить «доктора», чтобы успеть затеряться в лабиринте комнат и коридоров палаццо. Ступив на мраморный пол нижнего этажа, он рванулся к первой двери, что вела во дворец, но это оказалась обманка. Антонио бросил испуганный взгляд назад — «доктор» был на середине лестницы, всего в десятке метров от него.

В отчаянии Антонио попытался открыть следующую дверь — к счастью, ему это удалось. Он проник в комнату, где на экране демонстрировали фрагмент из фильма «Семь». Герои картины как раз обнаружили на месте убийства фотографию с изображением весов, на одной чаше которых лежал окровавленный кусок человеческого мяса. «Черт возьми, какой идиот решил это сейчас показывать?!» — со злобой подумал Антонио.

В два прыжка беглец очутился у противоположной двери и изо всех сил дернул ее. Дверь открылась. Он выскочил в мрачно освещенный коридор, который, вет-

вьясь, разбежался в разные стороны. «Главное, не попасть в тупик», — мелькнула лихорадочная мысль. Он свернул налево. Ему снова повезло: дверь в конце сумрачного ответвления вела в пустую комнату — ее пространство образовывали четыре экрана. Больше дверей здесь не было, поэтому либо помещение было тупиковым, либо через один из экранов можно было проскочить.

На всех четырех стенах в эту минуту синхронно проецировался один и тот же эпизод из какого-то фильма ужасов. Человек в черном плаще с капюшоном, чье лицо скрывала жуткая белая маска с круглыми прорезями для глаз и рта, заносил над невидимой жертвой увесистую палку. Антонию наугад бросился к одному из экранов и «нырнул» в него в тот момент, когда орудие киношного убийцы неумолимо опустилось ему прямо на голову...

Глава вторая

1

Антон Купцов через силу открыл глаза и с большим трудом пошевелил затекшей шеей. Было похоже, что он всю ночь проспал в одной, предельно неудобной позе: на животе, подмяв под себя руку и уткнувшись носом в стену. Именно так, вконец обессиленный, он вчера упал на диван. По частицам собрав утраченные во сне ощущения тела, Антон почувствовал, что у него нестерпимо болит голова. Ему показалось, что за ночь под черепной коробкой разросся могучий куст шиповника с налитыми сгустками багровой боли вместо ягод. «Господи, что же ты так разламываешься, головушка моя несчастная?» — мысленно возопил он.

Впрочем, довольно скоро Купцов понял причину своих страданий. Он вспомнил, как посреди ночи в холодном поту примчался домой и, догадываясь, что не уснет без хорошей дозы успокоительного, в два приема осушил полбутылки коньяка. Разумеется, в тот момент он не думал о последствиях, иначе вряд ли поступил бы так неосмотрительно. Эвита всегда говорила, что с коньяком нужно быть осторожней: вроде бы он облегчает существование и окрашивает жизнь в праздничные тона, но на самом деле это только иллюзия.

— На вкус он как раскаяние, — однажды глубококомысленно заявила она, чередуя короткие глотки коньяка с длинными затяжками сигаретного дыма, — однако именно раскаяние он и развеивает в первую очередь.

Купцов не знал наверняка, принадлежат ли эти слова Эвите или это одна из экранных цитат, которые она в огромном количестве знала наизусть. Кино было их общей страстью, но обычно только Эвита украшала разговоры фразами из просмотренных вместе картин. Она делала это всегда к месту, непринужденно и естественно — ее трудно было уличить в плагиате. Если же цитировать принимался Антон, у него это выходило крайне неуклюже. Чужая фраза в его устах звучала нелепо и в живой беседе воспринималась инородным элементом. Эвита тут же могла со смехом назвать фильм, из которого Антон выудил фразу, и обязательно добавляла, что взятые напрокат слова необходимо изменять, прилаживать к контексту, окрашивать собственной интонацией — только в этом случае цитата произведет хорошее впечатление...

Совершив долгое движение одеревенелой шеей, Купцов осторожно перенес голову на противоположный край дивана и прижался к подушке другой щекой. Антон окинул полусонным взглядом комнату — она была в жутком беспорядке.

Увидев на полу части своего маскарадного костюма, Антон вспомнил, по какому поводу решил напиться на ночь глядя: конечно же, чтобы не сойти с ума после всех ужасов вчерашнего карнавала. Купцов припомнил, как Пьеро с Арлекином выманили у него всю наличность и вогнали в долг своей карточной игрой. И как потом его преследовало страшилище с птичьим клювом. Благо, Антону посчастливилось быстро найти выход из лабиринта. Он стремглав выбежал из клуба и благодаря своему черному плащу слился с ночным мраком. Но все равно умирал от страха, когда стрелой мчался по улицам, лишь бы унести от «доктора» ноги.

От пережитых потрясений Антон забыл о том, что позорно оставил на вечеринке свою даму и даже не подумал отыскать ее. Впрочем, черт побери, дама это заслужила: не ей ли взбрело в голову, что она-де непременно попадет в клип к Киркорову, если явится вся разодетая на этот бал-маскарад? Не она ли почти силой вынудила Антона составить ей компанию, вырядив его в идиотский карнавальный костюм? Купцов пытался убедить Эвиту, что вся шумиха вокруг «звезды» — чистой воды фикция, рекламный способ вытрясти из народа деньги. Шутка ли, вход в этот балаган стоил двадцать тысяч. Ну ладно завсегдагаи клуба, у них бабла не меряно. А каково было ему, студенту, сначала выкинуть двадцатку на билет, а потом махом проиграть семьдесят тысяч? И в придачу не во сне, а наяву стать невольным героем какого-то второсортного триллера. Ладно, он все выскажет даме по поводу венецианского кошмара, в который умудрился попасть по ее прихоти!

Однако, судя по всему, Эвита так и не возвращалась с карнавала, иначе квартиру уже давно заполнил бы всепроникающий аромат вьетнамского кофе, она обычно пила его по утрам. А что если певцу и вправду понравился ее образ Коломбины и она весь остаток ночи снималась в пресловутом клипе? Да нет же, бред все это: не было в клубе никакого Киркорова, ясно ведь как божий день. Наверное, Эвита просто заночевала у одной из приятельниц — столь же таинственных, как она сама.

Антон попытался себе представить реакцию Эвиты, когда она поняла, что кавалер безнадежно исчез с вечеринки — «растаял», как она давеча пошутила. Наверное, пришла в ярость из-за того, что он оставил ее посреди ночи одну в этом странном месте? Или же до утра грустно философствовала у подруги на прокуренной кухне, доказывая сквозь зевоту, что «все мужики — сволочи» и Антон Купцов в их числе. Нет, конечно, это совсем не в ее характере. Эмоциональные бури, так же как и поверхностная бытовая философия, были уделом обычных женщин. А Эвита была женщиной исключительной, само ее имя свидетельствовало об этом.

— Эвита в переводе с испанского означает «маленькая Ева», — в первый же день их знакомства сообщила она Антону, разрезая на две половинки яблоко — единственное, что он обнаружил из съестного у себя в холодильнике. — Это имя с самого начала определило мое главное предназначение — заманивать молодых мужчин в райские кущи, потом изгонять их оттуда и заниматься прочим мелким разрушительством.

— Звучит неплохо, — одобрил Антон, надкусывая свою половину яблока. — Что планируешь разрушить в ближайшее время?

— Тебя.

— Тоже интересно, — усмехнулся Антон. — Только у тебя не получится, я слишком здравомыслящий человек. Да и ты на маньячку не похожа — выглядишь вполне нормальной девушкой.

— Ну, много чего кажется нормальным до поры до времени. А потом — бац! — и нормальное превращается в нечто странное. — Эвита элегантно прилегла на

диван и легонько похлопала ладонью по свободному месту рядом с собой. — Come, husband, lie by me...*

2

Мощные струи холодного душа медленно возвращали Антона к жизни. Мысль о том, что на кухне его уже ожидал свежесваренный зеленый чай, делала постпохмельное существование вполне сносным. Сейчас, когда от событий безумного карнавала его отделяла целая ночь, когда его надежно защищали стены квартиры — сейчас Антон уже готов был весело посмеяться над своими вчерашними страхами. Ну надо же, как ловко он купился на этот розыгрыш с карточным долгом! А «доктор Чумы» — надо отдать должное его актерскому таланту — сумел напугать Антона до полусмерти, хотя наверняка под той чудовищной маской скрывался милейший человек. Если бы Антон внимательнее слушал Эвиту, то вряд ли попался бы на удочку этих мистификаторов. Ведь она с самого начала предупреждала, что все происходящее вокруг — лишь *игра*. Не более чем жизнеподобная иллюзия.

Кстати, не пришло ли время немного потревожить Эвиту, мелькнуло у Купцова в голове, когда он растирал полотенцем кожу, горевшую от ледяной воды. Напомнить о себе телефонным звонком и поблагодарить за обилие острых ощущений. Антон вернулся в комнату, отыскал под одной из подушек сотовый телефон и взглянул на экран, надеясь увидеть новое сообщение или же уведомление о пропущенном звонке. Ничем подобным мобильник его не порадовал, поэтому он сам набрал номер Эвиты. Оператор вежливо сказал, что телефон абонента «выключен или находится вне зоны доступа», а потом заискивающим голосом добавил, что надеется на понимание Антона. Разумеется, Антон все понимал: если Эвита до рассвета болтала с подругой, да еще под аккомпанемент винных бокалов, то теперь она проснется не раньше полудня.

Не успел Купцов сделать несколько глотков чая и тем самым утолить мучительную жажду, как из комнаты послышалась жизнерадостная мелодия звонка. Подосадовав на себя за то, что не захватил мобильник на кухню, Антон подбежал к дивану и схватил телефон.

— Алло? — бодро сказал он, ожидая услышать голос Эвиты.

— Доброе утро, Антон, — раздался в трубке незнакомый мужской голос. — Есть ли у вас несколько минут для разговора?

— В общем-то, да, — с сомнением ответил Купцов, подозревая, что звонит один из назойливых рекламных агентов. — С кем имею честь беседовать?

— Если вам необходимо как-то обращаться ко мне, можете называть меня «господин Никто», — самым серьезным тоном предложил мужчина, — но мы можем обойтись и без этих формальностей.

— Что за шутки? — холодно поинтересовался Антон. — Я не люблю говорить по телефону с неопознанными объектами.

— Тогда я буду максимально краток, — великодушно пообещал собеседник. — Я звоню вам, чтобы напомнить о карточном долге в шестьсот восемьдесят тысяч рублей и вашем любезном согласии вернуть деньги до тридцать первого октября сего года.

---

* «Приди, муже, возяг со мной...» (англ.) — фраза из фильма «Эдемский сад» (2008), снятого по одноименному роману Э. Хемингуэя. В цитате использованы грамматические конструкции староанглийского языка, которые и сегодня в стилистических целях применяют при пересказе библейских историй и т. п.

— Может, уже хватит меня разыгрывать? — с нарастающим раздражением произнес Антон. — Веселый маскарад закончился, товарищи клоуны, и началась обычная скучная жизнь.

— Боюсь, вы меня не совсем поняли, господин Купцов, — вкрадчиво сказал голос из трубки. — Никакого розыгрыша не было. Были четко оговоренные условия игры, которые вы добровольно приняли. Передо мной лежит расписка с вашей подписью. В ней вы пишете, что обязываетесь вернуть денежный долг или же пожертвовать одной почкой для трансплантации. Все максимально прозрачно и честно.

— Вы что, издеваетесь? — рявкнул Антон. — За полоумного меня держите? Все, поигрались — и достаточно.

— Нет, это, скорее, *вы* нас принимаете за деревенских дурачков, господин Купцов, — почти ласково возразил мужчина. — Вы, вероятно, подумали вчера, что, надев маску, сможете безнаказанно играть с нами в кошки-мышки? Что мы никогда не сумеем вас разыскать? И поэтому вы можете злоупотреблять нашим временем и доверием? Боюсь вас разочаровать, Антон, но вы ошибаетесь. Мы знаем, кто вы, где учитесь и работаете, мы знаем ваш адрес и номер телефона — в последнем вы наверняка уже убедились. И мы знаем вас в лицо. Поэтому вам *придется* отдать нам деньги.

— Это блеф, — как можно тверже попытался произнести Антон, но внутри у него все оборвалось. — Вы ничего от меня не получите. Вам ясно?

— Не торопитесь нарушать данное слово, — дружелюбно сказал «господин Никто», — иначе мы сильно усложним вам жизнь. Тогда никто не сможет поручиться ни за вашу безопасность, ни за ваше здоровье.

— Я подам на вас заявление в полицию, — сквозь зубы процедил Купцов.

— На кого? На Пьеро и Арлекина? — с едва различимой насмешкой в голосе поинтересовался его собеседник. — В любом случае, не рекомендую вам связываться с правоохранительными органами. Иначе еще до того, как ваше заявление будет зарегистрировано, вы можете попасть в очень неприятную ситуацию. Подумайте о тех, кто вас любит и хотел бы всегда видеть живым и здоровым. И о том, как поскорее найти деньги. До встречи, господин Купцов!

Связь прервалась прежде, чем Антон успел произнести еще хоть слово. Дрожаящими пальцами Купцов добрался до папки входящих звонков, чтобы узнать, с какого номера звонил вымогатель. Но выяснил только, что номер был не определен или подавлен. Что ж, вполне предсказуемый поступок со стороны мошенников, с горькой усмешкой подумал Антон. Получается, что отныне он будет постоянно находиться на прицеле у людей-невидимок.

Словно подтверждая мысли Купцова, тут же с неопознанного номера поступило sms-сообщение: вымогатели прислали Антону его собственную фотографию, что была сделана во время прошлогоднего автобусного тура по Европе. На снимке он стоял, широко улыбаясь, перед памятником Хичкоку*. Антон не мог найти разумного объяснения тому, как эти негодяи раздобыли фото. Он никогда не выставлял его в соцсетях и хранил не в компьютере, а на съемном диске, в архиве путешествий. Впервые Купцова посетила неприятная мысль о том, что стены его дома — не такая уж надежная крепость.

---

* Хичкок, Альфред (1899–1980) — кинорежиссер, творчество которого прежде всего связано с жанром «триллер» (от *thrill* — «трепет») и с понятием «саспенс» (от *suspense* — «напряжение»). Хичкок умел мастерски создавать в своих фильмах атмосферу тревожной неопределенности и напряженного ожидания. Памятник Хичкоку установлен в городе Динар (Франция) перед фестивальным центром: режиссер стоит на яйце, с двумя свирепыми птицами на плечах.

Настроение у него было безнадежно испорчено. Отпустившая было головная боль вернулась и заново впилась стальными пальцами в виски. Антон возвратился на кухню, боязливо прислушиваясь к шагам на лестничной площадке. Без всякого удовольствия залпом допил остывший чай, мрачно посидел несколько минут у стола, затем подошел к бару и достал из него спасительную бутылку коньяка. К счастью, она была еще на треть полна. На этот раз Купцов поступил осмотрительнее: он не стал заглаживать коньяк прямо из горлышка, а плеснул янтарную жидкость в пузатый бокал и стал отпивать маленькими глоточками. Просто чтобы привести в порядок мысли и чувства.

Силой воли (но и не без магии спиртного) уняв внутреннюю дрожь, Антон попытался хладнокровно проанализировать ситуацию. Прежде всего, Купцов хотел понять, откуда клубные «игроки» узнали, кто он такой. Во-первых, он никогда раньше не был в этом заведении. Во-вторых, даже если предположить, что мошенники все же знали его, встает вопрос о том, как они догадались, кто скрывается под маской. Ведь на вечеринке он ни на секунду не приоткрыл лица. Вычислили по голосу? Вряд ли: маска настолько искажала природный тембр, что Антон сам себя никогда не опознал бы. Его настоящее имя во время игры ни разу не прозвучало, паспортные данные на входе никто не требовал, расписка тоже не содержала никаких биографических сведений. Мимо столика Арлекина они с Эвитой прошли совершенно случайно, и вообще в игру Антон ввязался лишь благодаря секундному порыву. Однако, несмотря на все это, факт остается фактом: каким-то загадочным образом преступники были заранее осведомлены о его личности. Либо навели о нем справки сразу же после того, как он сбежал из клуба. Если последнее предположение верно, возникает вопрос о том, кто был их осведомителем.

Разгоряченная алкоголем фантазия Купцова тут же нарисовала ему возможную версию ответа: а что если в дело замешан «доктор Чумы», который так назойливо попадался ему на глаза? Если это так, становится ясно, с какой целью он ошивался возле карточного столика, почему пристально смотрел на Антона, пока тот играл, и зачем потом пытался его преследовать. Вполне вероятно, что человек с ключом постоянно держал Купцова в поле зрения, сам при этом оставаясь невидимым — ведь он тоже был одет в черный костюм, неразличимый в ночи. Он мог «проводить» Антона прямо до подъезда, а то и до квартиры, а уж раздобыть сведения о жильце было делом техники. Что ж, эта версия имела право на существование, хотя и не объясняла того, каким образом мошенники завладели фотографией Купцова...

Антон прервал размышления и вновь наполнил бокал. Коньяк постепенно делал свое дело: приятно расслаблял изнутри и возвращал бытию если не радужные, то вполне терпимые краски. Головная боль понемногу сдавала позиции, и попутно из души Купцова уходило раскаяние в его ночном пьянстве. Словом, все, как говорила Эвита (или тот, кого она цитировала).

Антон потянулся к телефону и еще раз набрал ее номер. Услышав, что сотовый Эвиты снова находится в сети, он улыбнулся: девушка наконец-то проснулась. Слушая мерные гудки, Купцов мысленно ее подбадривал: ну же, сестра Коломбина, давай, возьми трубку. Однако Эвита на звонок так и не ответила. Антон решил, что теперь она, наверное, принимает душ или чем еще там может заниматься женщина по утрам.

Он взял с собой в комнату бутылку с остатками коньяка, поставил на пол возле дивана и прилег, бросив в изголовье несколько разноцветных подушек-«думочек». Одну из них, в виде обнаженных женских грудей, собственноручно сшила Эвита.

Именно на эту подушку — между двух пышных розовых холмов с яркими сосками-вишенками — возложил Антон свою многострадальную голову.

— Стоп, — внезапно сам себе сказал Купцов, сделав очередной глоток, — как я только что назвал Эвиту? *Сестра Коломбина*? С чего бы это?

Антон нахмурился и максимально сосредоточился на том, чтобы вспомнить, откуда он взял эти слова. В том, что он слышал их совсем недавно, Купцов не сомневался, но вот кто их произносил и по какому поводу, никак не мог сообразить. Однако через нескольких минут на Антона внезапно снизошло озарение: ну конечно же, так обращался к Эвите Арлекин! Причем не один раз, а несколько — именно поэтому словосочетание и запомнилось Купцову. Еще не отдавая себе отчета в том, почему его так взволновало данное открытие, Антон резко принял вертикальное положение. Ему необходимо было понять, случайно ли Арлекин называл Эвиту в образе Коломбины *сестрой* или же в этом присутствовал некий потаенный смысл.

4

По запросу Купцова Яндекс вывалил перед ним тысячи изображений, на которых красовалась карнавальная парочка — Коломбина и Арлекин. Сюжетов с их участием было невообразимое количество: они весело танцевали, пили вино в харчевне, обнимались, шептались при луне, катались в гондоле, дрались, при свечах плели дворцовые интриги, музицировали, украдкой целовались в сдвинутых набок масках и даже совсем не по-братски занимались любовью, разбросав повсюду свою мгновенно узнаваемую одежду.

Антон сразу заметил, что костюмы обоих героев итальянского театра были удивительно схожи благодаря характерному узору из цветных или черно-белых ромбов. Порой узор покрывал их с головы до пят, а иногда проскальзывал лишь в маске или какой-то детали нарядов. Бывало, что ромбы превращались в шахматные квадратики, но в том или ином виде эти фигуры неизменно присутствовали в костюмах Арлекина и Коломбины. Возможно, стилистическая схожесть их одежды свидетельствовала о тайном родстве.

Купцов зашел на сайт Википедии, чтобы получше ознакомиться с этими любопытными персонажами. Собрав воедино разрозненные сведения из разных источников, он узнал о них примерно следующее:

Коломбина и Арлекин, влюбленные друг в друга, были слугами других героев национального театра: девушка состояла при некоем Докторе, а парень батрачил на кого придется. Поначалу Коломбина была одета в красивое пышное платье и лишь в более позднем театре, начиная с восемнадцатого века, стала частенько появляться на публике в платье из заплат, разительно похожем на костюм Арлекина. С этих пор она сделалась как бы зеркальным отражением своего спутника, его постоянной подругой и женой. Она уверенно манипулировала Арлекином, который был весел и жизнерадостен, но далеко не так умен, ловок и изворотлив, как его подруга, а потому легко совершал глупости. Часто Коломбина оказывалась единственным «интеллектуальным» персонажем на сцене. Обладательница острого и живого ума, она охотно принимала участие в интригах своего хозяина. Для того чтобы помочь ему достичь той или иной цели, Коломбина могла наряду с природным обаянием пустить в ход хитрость и коварство, ибо хорошо знала, что для выживания в обществе необходимо уметь лицемерить и лгать. Время от времени Коломбина строила контр-заговоры и против самого Доктора, а параллельно служила связующим звеном между молодой женой хозяина и ее возлюбленным, способствуя их тайным встречам на стороне.

Ссутулившись перед монитором, Антон нервно постукивал пальцами по клавиатуре и задумчиво глядел в окно. Он пытался осмыслить полученные сведения, а заодно соотнести их с конкретной жизненной ситуацией, в которую так глупо попал. Купцов боялся предстать в собственных глазах параноиком, но почему-то в его сознание упорно вклинивалась одна гадкая мысль: а что если во всей этой темной истории замешана девушка в маске Коломбины? Иными словами, Эвита, дама его сердца. Если предположить, что она действовала в паре со своим «братцем» Арлекином (которого, конечно же, знала еще до маскарада), то тогда многое становилось понятным. Например, кто снабдил его фотографией Антона и всеми приватными сведениями о нем; кто как бы случайно привел простодушного юношу к столику с картами и ненавязчиво поспособствовал тому, чтобы он проигрался в пух и прах. Но зачем, спрашивается, она все это сделала? Разумеется, ради немалых денег, которые Купцов теперь вынужден отдавать этой троице негодяев — Арлекину, Коломбине и Пьеро. Если, конечно, они не работали на кого-нибудь еще. Ведь согласно театральной традиции, хитрая девушка прислуживала некоему Доктору. Тогда почему бы не допустить, что боссом криминальной шайки был «доктор Чумы»? Возможно, так оно и есть, ведь на карнавале он обменивался с Эвитой какими-то загадочными фразами. Это могло быть зашифрованное сообщение о готовности к «операции», иными словами, выколачиванию денег из бедного студента Купцова...

— Все, кончай строить домыслы! — сам себе приказал Антон, отрываясь наконец от компьютера. — Надо выпить и трезво оценить ситуацию. Хватит проводить бредовые параллели между интригами театральных масок и кознями реальных людей. Так и в психушку угодить недолго.

5

Купцов снова улегся на диванные подушки с бокалом в руках и в очередной раз попытался дозвониться до Эвиты. Безуспешно: ее телефон по-прежнему находился вне зоны доступа. Не было даже длинных гудков, которые создавали бы иллюзию того, что она находится где-то рядом и вот-вот возьмет трубку. В этом была вся Эвита — вечно ускользающая красота, которая вносила в его упорядоченное существование ноту хаоса и неопределенности. С Эвитой невозможно было планировать ни будущее, ни даже настоящее, поэтому каждый день, прожитый с ней, был свеж в своей непредсказуемости.

О своем прошлом Эвита рассказывала лишь то небольшое, что считала нужным, но и не требовала откровений от Антона. С самого начала между ними существовал негласный договор — не лезть в жизнь друг друга и не омрачать радость их свободных отношений излишним любопытством. Поэтому, несмотря на месяцы, проведенные вместе, Эвита оставалась для Антона таинственной незнакомкой. Он понятия не имел, чем девушка заполняла свою жизнь, когда они на время расставались. Уезжала ли из города, встречалась ли с кем-то еще, изменяла ли ему — все это было для Купцова полнейшей загадкой.

Однажды Антон пришел домой и до смерти перепугался, увидев, что Эвита — с неподвижным взглядом широко распахнутых глаз, обнаженная, немая и парализованная — лежит на диване. Он кинулся к ней и лишь тогда понял, что это всего лишь манекен, который как две капли воды походил на нее. Эвита принесла его для работы на дому. Так Купцов узнал, что она зарабатывает на жизнь моделированием и шитьем стильной женской одежды.

— Почему ты выбрала именно эту профессию? — поинтересовался Антон.

— Видишь ли, все тела до ужаса одинаковые, я же одеваю их в кожаные одежды и тем самым создаю различия, — ответила Эвита, оглядывая висевшие на манекене зачатки куртки. — Я надеваю людей индивидуальностью и этим как бы преображаю реальность, придаю ей черты искусства. Обидно ведь думать, что жизнь и искусство шагают рука об руку, но редко когда пересекаются.

Еще Эвита создавала маленькие шедевры прикладной живописи, расписывая в абстрактной манере скучные однотонные зонты. Произведения, рожденные ее рукой, поражали цветовой необузданностью и причудливостью форм. Они словно брызгались весельем и заражали оптимизмом. Невозможно было удержаться, чтобы не купить один из таких жизнерадостных зонтиков. Их покупали десятками. Иногда Эвита просиживала ночи напролет, выполняя сразу несколько срочных заказов. Вот и к завтрашнему дню ей нужно расписать три или четыре зонта. Если она, по своему обыкновению, начнет работать ближе к полуночи, то ляжет спать лишь под утро. А Антон, как всегда, вообще не сможет уснуть из-за сигаретного дыма: во время работы Эвита курила без перерыва — прямо в комнате, не выходя на балкон...

Кстати, о зонтиках — а где же они? — внезапно спохватился Антон. Он только сейчас заметил, что в комнате нет ни одного зонта, которые в ожидании преображения обычно валялись на полу, в креслах либо были небрежно свалены в кучу на подоконнике. Купцов вскочил с дивана и внимательно оглядел всю комнату. Не обнаружив «болванок» для расписывания, Антон заглянул в спальню, потом на кухню, в коридор и даже в туалет — зонтиков не было нигде, хотя еще вчера перед карнавалом он их видел не меньше дюжины.

Охваченный недобрым предчувствием, Антон подбежал к окну и отдернул плотную занавеску у стены. Там обычно стоял манекен, но сейчас угол пустовал, и вряд ли имело смысл искать «двойника» Эвиты в других местах. В последней надежде Антон раздвинул дверцы платяного шкафа-купе, где девушка держала одежду, однако обнаружил в нем лишь несколько собственных рубашек да ряд внезапно опустевших плечиков.

Чувствуя, как земля уходит у него из-под ног, он кинулся к входной двери. Купцов увидел, что в замочной скважине торчит ключ, который накануне он, вероятно, забыл вытащить. Это могло говорить лишь об одном: Эвита забрала все свои вещи до того, как Антон пришел домой с вечеринки. Она заранее знала, что никогда больше сюда не вернется. Так как понимала, что Антон догадается о ее участии в преступном сговоре против него.

Что ж, «маленькая Ева» выполнила свое предназначение: она привела его в Эдемский сад, но тут же изгнала обратно в тоскливый мир, заодно столкнув лицом к лицу с неразрешимой проблемой. И вот теперь он стоит один, потерянный, у закрытых райских врат и не ведает, куда идти дальше...

Глава третья

1

Спустя несколько дней после злополучного маскарада и исчезновения Эвиты Антону снова позвонил «господин Никто». На этот раз с деловым предложением.

— Господин Купцов, — с неизменной вежливостью сказал он, — если, как вы говорите, вам трудно найти или заработать деньги, чтобы в срок расплатиться с долгом, мы можем вам оказать одну ценную услугу.

— Какую же, интересно? — ледяным тоном поинтересовался Антон.

— Мы могли бы помочь вам выгодно продать вашу двухкомнатную квартиру и купить однокомнатную чуть подальше от центра. Разницы в цене вполне хватит на то, чтобы оплатить нашу профессиональную помощь и полностью покрыть долг.

— Благодарю, я надеюсь как-нибудь сам справиться с этой проблемой, — сухо ответил Антон. — Но в любом случае, спасибо за заботу.

— Ну что вы, не стоит благодарности, — душевно воскликнул невидимый собеседник. — Мы будем время от времени звонить и в случае чего с радостью окажем вам помощь.

После этого звонка Купцов впервые серьезно задумался о том, как же теперь он будет выкручиваться из этой непростой ситуации. То, что от вымогателей не удастся легко отделаться, Антон уже понял. Заявлять на них в полицию означало подвергать свою жизнь риску — это тоже было ясно как день. Мысль о том, чтобы согласиться на операцию по удалению почки и до конца дней просидеть на инвалидности, казалась кошмарной. Обменять квартиру Купцов также не мог: жилье принадлежало родителям, он не имел права распоряжаться им по своему усмотрению. Оставалось только положиться на самого себя и каким-то образом добыть почти семьсот тысяч. Вопрос был в том, как это сделать меньше чем за четыре месяца.

Антон попытался прикинуть, сколько денег он сумеет наскрести своими подработками. Переводами технических текстов за месяц удастся заработать тысяч двадцать, не больше. Раз в неделю (чаще не получится, сил не хватит) можно повкалывать на вокзале, разгружая вагоны. Это еще около двадцатки в месяц выйдет. Допустим, по ночам он будет работать в магазине охранником — там вечно люди требуются. Но это максимум десять тысяч. Итого, при самом удачном раскладе, в месяц выходит полтинник. И то он сможет трудиться в таком режиме лишь оставшиеся два летних месяца, пока не начнется учеба. Потом дополнительные заработки придется сократить вдвое из-за нагрузки в университете. Итак: сотка за лето, еще пятьдесят-семьдесят тысяч до конца октября — не наберется даже двухсот тысяч. Двести против семисот — результат малоутешительный, однако никакой более приличной и высокооплачиваемой работы пока, увы, не светило. Поэтому Купцов решил начать с того, что есть. А потом, возможно, ему улыбнется финансовая удача.

2

Мысли об Эвите не оставляли Антона ни днем, ни ночью. Она нередко являлась ему во сне, обычно под утро, когда сновидческая ткань становилась необыкновенно яркой, насыщенной звуками и красками. Несколько ночей подряд они вместе просматривали в сновидениях Антона какие-то удивительные многомерные фильмы. Обычно кино шло на большом экране, в него можно было легко войти и стать одним из персонажей, изменить сюжет по собственному усмотрению и на славу повеселиться.

В одной из кинокартин Эвита полулежала в глубоком кресле у стола, который сервировал старик-азиат по имени Хейко. Она положила обнаженные ноги на стеклянную столешницу и заставила Купцова по-японски сесть на колени по другую сторону стола. Старик почтительно подал ему на хрустальном блюде две половинки лимона. Антон выдавил сок цитрусового на ступни Эвиты и начал самозабвенно слизывать его с нежной кожи. Даже после пробуждения он долго ощущал во рту кислый лимонный вкус, а носом улавливал тонкий травяной аромат, что исходило от ног Эвиты. Купцов тогда немало подивился тому, насколько реальными могут быть впечатления сна.

Еще одно сновидение Антон назвал «грезой-обманкой». Он неспешно прогуливался с человеком, который был одет в костюм Арлекина, а на лице у него была маска. Они шли по длинным тропинкам какого-то огромного сада. С каждым поворотом открывались все новые дорожки, которые разбегались в разные стороны. Арлекин что-то говорил, говорил, а потом внезапно сказал Купцову:

— Знаешь, почему тебе трудно идти? У тебя на плечах тяжесть всего мира.

— Точно, — согласился Антон. — Это потому что я потерял Эвиту и не знаю, увижу ли ее лицо еще хотя бы раз.

Арлекин остановился и комично принюхался, вертя головой по сторонам.

— Мне кажется, я чувствую ее запах, — сказал он громким шепотом. — Запах Евы — его ни с чем не спутаешь: смесь яблок и скошенной травы. Женщины — кто сотворил их? Господь Бог — настоящий гений. Ты зарываешься в облако женских волос, и тебе хочется уснуть в нем навсегда. Губы: когда они касаются твоих губ, это как первый глоток вина после перехода через пустыню. Груды: маленькие или большие, соски смотрят на тебя, как тайные прожекторы. Ноги: неважно, похожи они на греческие колонны или на ножки «Стенвея». Главное, что *между* ними. Пропуск в рай. А теперь дай мне руку, сынок...

Завороженный речью Арлекина, Купцов протянул ему ладонь. Тот схватил ее, а другой рукой сорвал с лица маску. Антон ахнул. Перед ним стояла Эвита, только на голове у нее больше не было роскошных рыжих волос, что прежде густыми прядями спадали на плечи. Она была коротко острижена «под мальчика» и теперь казалась совсем юной, почти подростком.

— Это начало твоего настоящего образования, Антонио, — смеясь, сказала Эвита и выбежала из экрана. До него донесся ее голос, прозвучавший уже по ту сторону белой плоскости: — Помни: когда сомневаешься, занимайся сексом!

Антон назвал этот сон *обманкой*, потому что, оказывается, они с Эвитой-Арлекином с самого начала были в фильме, а уж потом вернулись в реальность.

А позже последовала череда фильмов-ужасов. Они вползали в сознание Антона перед самым пробуждением и безмерно его угнетали. Он видел, как некто в маске «доктора Чумы» и черном балахоне с капюшоном замахивается тростью, чтобы ударить человека, стоящего где-то внизу. Антон никогда не мог разглядеть, кто это. Он видел только кусочек костюма жертвы, ткань, на которой красовался узор в виде ромбов. Едва Антон успевал заметить краем глаза яркие геометрические фигуры, как сон тут же прерывался, и он просыпался с неприятной тяжестью в груди, со странным ощущением постороннего присутствия. Конечно, вскоре тягостное чувство отпустило, сон рассеивался дневным светом, но в следующую ночь повторялся практически без изменений. Антон словно попал в адский круг сновидений с бесконечным сюжетом...

3

Однажды утром Купцов возвращался с ночной смены в магазине, где работал охранником. Он решил сделать крюк по улице и заглянуть в клуб, откуда совсем недавно убежал, объятый невыразимым ужасом. Он надеялся там хоть что-то узнать о людях-масках, которые столь драматично повернули его жизнь в неведомом направлении. Хотя бы со сторожем поговорю, подумал Антон, если другие работники уже разбрелись по домам. Каково же было его удивление, когда он увидел, что двери и окна особняка наглухо закрыты, а над входом висит табличка «ПРОДАНО». От названия осталось единственное слово — “lost”*: наполовину оторванное,

---

* *Затерянные, затерявшиеся (англ.).*

оно болталось на фасаде. А слово “Paradise” беспомощно лежало на земле возле крыльца. Как символично, подумал Купцов: Эдем повержен, территория райского сада перепродана новым владельцам, а его бывшие обитатели разбежались кто куда.

Едва Антон отошел от особняка, как увидел девушку, которая чуть поодаль пересекала дорогу. Накрапывал небольшой дождь, и она держала над головой расписной зонтик. Внезапно сердце Антона забилось быстрее. Он тут же понял, что к этой вещице прикасалась рука Эвиты, так как не мог не узнать художественную манеру своей сбежавшей подруги.

Купцов нагнал девушку и, окликнув ее, поинтересовался, где и когда она приобрела свой чудесный зонтик. Он объяснил, что хотел бы купить такой же для своей невесты. Та улыбнулась и сказала, что купила зонт совсем недавно в магазинчике с веселым названием “Singing in the Rain”*, он находился неподалеку от центрального рынка. Девушка добавила, что таких зонтиков там много и он наверняка сможет найти что-нибудь интересное.

Антон сходил домой, сменил черную форму охранника на обычную одежду, выпил чаю и, едва дождавшись половины десятого утра, побежал на рынок, чтобы отыскать магазин зонтов и попасть в него прямо к открытию. Уж там-то не могли не знать, где обитает Эвита. Возможно, ему даже удастся выведать у продавцов ее адрес. Или, на худой конец, выяснить, когда она собирается в следующий раз зайти в магазин.

К великому сожалению Антона, его планам не суждено было осуществиться. Молоденькая девушка-продавец лишь пожала плечами, когда он спросил о мастере по росписи зонтиков — их верхушки весело выглядывали из деревянного бочонка на окне. Девушка попросила подождать хозяйку магазина, которая должна была подойти с минуты на минуту: наверняка она была более осведомлена об этом человеке.

Однако хозяйка — словоохотливая блондинка в элегантном бежевом костюме — тоже мало чем могла помочь. Лишь сказала, что эти зонтики ей поставляет на продажу некая полька по имени Эва. Она говорит по-русски с сильным акцентом, всегда привозит товар сама и никогда не оставляет своих контактных данных, даже номера телефона. Обычно полька получала от хозяйки оговоренную сумму денег и уходила. В последний раз — а было это чуть меньше месяца назад — она передала последнюю партию зонтов, сказав, что надолго уезжает из города и неизвестно, вернется ли сюда когда-нибудь еще.

Опечаленный, Антон купил наугад один из зонтиков на память о «польке по имени Эва», поблагодарил дружелюбную хозяйку за сведения и покинул магазин. Открыв на улице зонт, Купцов усмехнулся, увидев, что он расписан яркими — красными, белыми, синими — ромбами. Знак Коломбины и Арлекина, подумал Антон, похоже, они не собираются меня отпускать.

4

Благодаря зонтику они и познакомились. Был конец апреля, стояла теплая, сырая погода. В тот день Купцов почему-то повздорил со своим преподавателем по английскому языку и ушел с середины пары. Когда он добрался до остановки, начался дождь. Пришлось запрыгнуть в первый же автобус, хотя маршрут для него был неудобный: чтобы попасть домой, нужно было еще минут десять идти пешком. В передней части автобуса толпились люди, но задняя была практически пуста, и

---

*«Поющие под дождем» (англ.) — название американского мюзикла, снятого в 1952 году режиссерами Стэнли Доненом и Джинном Келли.

Антон прошел туда, но сразу же понял, почему пассажиры не стремились занимать площадку: сзади сильно протекала крыша, поэтому пол и сидения были залиты водой.

Купцов увидел, что у окна стояла рыжеволосая девушка в футболке, на которой красовалась надпись “The Devil’s Disciple”*. Дождь ей был не страшен, потому что над головой она держала удивительным образом расписанный зонт. В угрюмом салоне автобуса он выглядел вызывающе празднично. Увидев, что парень пытается найти закуток, где не капало бы с потолка, девушка подозвала его жестом и предложила место под зонтиком.

— Спасибо, — смущенно улыбаясь, сказал Антон. — Вы мой ангел-спаситель.

— Меня еще никто так не называл, — отозвалась девушка.

— А вы верите в то, что людям могут являться ангелы? — поспешил развить тему Антон. Не потому, что эта тема его особенно волновала, а потому что ему очень понравилась зеленоглазая обладательница густых рыжих волос.

— Отчего же нет? — она простодушно пожалала плечами. — Я ведь могу людям являться — чем же ангелы хуже меня?

— Что ж, вполне резонно, — согласился Купцов. — Вас, случаем, не Анжела зовут?***

— Нет, меня зовут Эвита, — сказала девушка. — Я из другого кино***.

Два любителя кинематографа понимающе переглянулись и рассмеялись. И оба одновременно подумали о том, что наверняка их встреча была предопределена свыше. Разумеется, Антон тут же пригласил рыжеволосую красавицу к себе домой, чтобы там продолжить их неслучайное знакомство, а Эвита, не раздумывая, приняла приглашение.

Когда они выходили из автобуса, дул сильный ветер. Один из порывов был такой мощный, что едва не вырвал зонт из рук Эвиты. Антон вовремя его удержал, быстро перехватив ручку. При этом он нечаянно коснулся ладонью холодных пальцев девушки.

— Да ты совсем замерзла, — воскликнул Купцов. — Может, возьмем чего-нибудь горячительного, чтобы согреть тебя, а заодно отметить нашу встречу?

— Да-да, — с энтузиазмом подхватила идею Эвита. — Давай купим бутылку абсента.

— Ого! — с изумлением присвистнул Антон. — Не слишком ли крепко для дневного разогрева?

— Не знаю, — пожалала плечами девушка, — просто сегодня ветер покрепчал, а я обычно пью в соответствии с ветром.

— Это что, новая версия сказки о Мэри Поппинс? — хмыкнул Купцов. — Не боишься из-за своих привычек потерять репутацию «хорошей девочки»?

— В нашей семье еще никто не терял репутацию, — возразила Эвита. — В случае чего ее, как костюм, вешают в шкаф на несколько месяцев, чтобы отвиселась. А когда достают, она новенькая и безупречно чистая.

— Ну, тогда полный порядок, — сказал Антон. — Будем пить от души.

---

* «Ученик дьявола» (англ.) — название англо-американского фильма 1959 г. (реж.: Гай Хэмилтон, Александр Маккендрик).

** Антон намекает на комедию Люка Бессона «Ангел А», в которой ангел в виде прекрасной девушки является на помощь отчаявшимся людям. Она называет себя “Angel A”, что по-французски произносится как «Анжела». При этом обычное женское имя дает прямой намек на ее небесную сущность.

*** Она ссылается на американский мюзикл «Эвита» (1996 г.) с Мадонной в заглавной роли. Главная героиня фильма — историческое лицо Эва Дуарте (1919–1952) — благодаря своей хитрости, расчетливому уму и жесткому характеру делает головокружительную карьеру, пройдя путь от «девочки с окраины» до жены президента Аргентины Хуана Перона. Обычный народ боготворит первую леди страны и называет ее «святая Эвита».

Дома у Купцова Эвита быстро согрелась. Согрелась настолько, что уже спустя полчаса умеренных возлияний скинула футболку и джинсы и легла на диван. Под футболкой у гостыи ничего не было. Точнее, там красовалась великолепная татуировка двух переплетенных змей. Их головы с высунутыми языками находились у девушки под ключичной ямкой. Змеиные тела сплетались у нее между маленьких грудей, от пупка расходились к бедрам, а хвосты прятались где-то за спиной.

— Ну и ну! — восхитился Антон, увидев этот изысканный образчик боди-арта. — Да ты целый террариум с собой носишь. Почему именно змеей решила на груди пригнеть?

— Ну как почему, — пожал плечами Эвита, — ты же понимаешь, Антоша, что Еве никак не обойтись без змея-искусителя. Кто станет соблазнять бедную девушку, если у нее не будет этого гада? Однако, учитывая, что современная Ева гораздо более стойкая к соблазнам, ей нужна как минимум парочка змеенышей. Вот и приходится содержать этих близнецов. Впрочем, сколько можно языком трепать? Тебе давно уже пора вкусить плод от древа познания. Come, husband, lie by me...

Потом они долго сидели под простыней, прижавшись друг к другу горячими плечами, и в безмолвном блаженстве допивали абсент.

— Если хочешь, оставайся у меня до завтра, — наконец сказал Антон, прерывая молчание.

— Ты себе даже не представляешь, как хочу, — оживленно отозвалась Эвита, поблескивая зеленью своих необыкновенных глаз. — Я как раз сегодня ушла со съемной квартиры и все гадала, у кого бы переночевать.

— Так ты нездешняя? — спросил Антон.

— Нет, но я уже три месяца живу в городе, — ответила девушка. — Переезжаю от одной подруги к другой или, если есть деньги, снимаю жилье. Ну а когда денег совсем нет, сплю прямо в тачке. В той, которую легче открыть.

Видя, как у Антона округлились глаза, Эвита громко расхохоталась.

— Дурачок, это цитата из фильма! — сквозь смех проговорила она, крепко обнимая Купцова за плечи. — «Болгарские любовники»* — неужели не видел?

Антон покачал головой и отвернулся, притворяясь обиженным. Однако не выдержал и в голос рассмеялся вслед за Эвитой...

На следующий день Эвита принесла свои вещи. Она стала для Антона любовницей, другом, кулинаром, портнихой — всем. Начались его золотые дни.

5

Идею о том, как можно раздобыть деньги гораздо более легким путем, без изнурительного труда, невольно подсказал Антону один старинный приятель, художник Володя. Купцов неожиданно наткнулся на него, когда тот шагал по улице с бутылкой водки — она торчала у него из кармана ветровки. Художник шел, сутулясь, был неопрятно одет и взъерошен. Судя по взгляду Володи, он был сильно навеселе, но Купцова узнал сразу и остановил, по-свойски схватив за руку.

— По какому поводу пьем? — шуточно поинтересовался Антон.

---

* Мелодраматическая комедия испанского режиссера Элоя де ла Иглесиа (2003) рассказывает о Даниэле — успешном адвокате средних лет. Он живёт в роскошных апартаментах в Мадриде и всё свободное время проводит с друзьями, которые обсуждают любовные похождения друг друга. Даниэль безумно влюбляется в привлекательного болгарского парня по имени Кирилл, который приехал в столицу в поисках лучшей жизни, но порой вынужден ночевать на улице по причине безденежья. Даниэль начинает с ним интенсивные отношения, и на первых порах у них всё складывается почти идеально. Однако вскоре Кирилл женится, и они втроем живут у Даниэля, причем болгарин начинает требовать от хозяина квартиры большие суммы денег за «услуги личного характера».

— Ай, не спрашивай, Антоха, — сокрушенно качая головой, сказал тот. — У меня лучший друг погиб. Убили. Третий день не могу в себя прийти. Пойдем ко мне в мастерскую, что ли, помянем вместе, хоть ты Мишку и знать не знал.

— Ну, пойдем, — согласился Купцов, делая сочувственное лицо. — Только я ненадолго, мне еще на работу надо.

— Да как скажешь, — быстро закивал Володя, шмыгая носом. — Просто мне надо хоть с кем-то болью своей поделиться.

Они поднялись в лифте на верхний этаж высотного дома, где находилась Володина мастерская. Помещение ее, как и следовало ожидать, пребывало в состоянии полнейшего хаоса. На печатном станке теснилась немытая посуда с остатками еды. Пол был завален журнальными и газетными вырезками. Вероятно, Володя предполагал когда-нибудь создать из них коллажную инсталляцию, но пока что безжалостно топтался по будущему шедевру ногами в уличной обуви. На продавленном диванчике с подозрительной постелью валялась смятая в кучу одежда хозяина. А посреди мастерской возвышался мольберт с почти законченной картиной-абстракцией. На холсте была выписана некая расширяющаяся вселенная, которую образовывали буквы и различные геометрические фигуры.

— Ты представляешь, Антоха, какие нелюди, — бормотал Володя, вынимая из шкафа чистые рюмки и ставя их на компьютерный стол. — Ночью напали на Мишку, проломил голову железным ломом, а потом забрали у него, беззащитного, деньги и золотую печатку сняли. Да Мишка бы им и так все отдал, зачем же было по голове бить арматурой? Он, бедняга, провалялся несколько часов без сознания, а утром его обнаружили, отвезли в больницу, там он и умер. Хорошо, хоть опознали быстро, у Мишки в кармане пропуск был.

— Какая жуткая смерть, — с сочувствием сказал Купцов. Он поежился, вспомнив свои ночные кошмары, в которых человек в маске наносил по невидимой жертве удары палкой. Неприятное совпадение.

— Да что ты, такой конец и врагу не пожелаешь! — горестно произнес Володя, занюхивая рукавом выпитую залпом водку — Антон лишь слегка пригубил свою рюмку. — Но самое ужасное, что я как будто бы самолично предсказал Мишкину гибель. Много лет назад. Он тогда еще здесь жил, не в Питере. Смотри...

Володя встал на стул, чтобы добраться до верхней полки стеллажа, и взял оттуда картинку величиной с почтовую открытку — она была вставлена в пожелтевшее от времени паспарту*. Он осторожно опустился на пол и протянул картинку Купцову. На акварельном рисунке был изображен улыбчивый молодой человек, который с лукавым прищуром глядел прямо перед собой. А на макушке у него красовалась короткая горящая свеча. Ореол пламени создавал над головой нарисованного мужчины некое подобие нимба.

— Ну что, скажешь — случайность? — угрюмо спросил Володя, с пьяной нежностью глядя на свое творение. — А я скажу, что случайностей не бывает. Все было заранее предрешено, и я уже тогда считал информацию, за двадцать лет до Мишкиной гибели. Словно знал, какой смертью умрет. Пророк хренов!

— Володя, не казни себя, — мягко сказал Антон. — Скорее всего, это, и правда, лишь совпадение. Ты ведь, когда рисовал свечу, наверняка вкладывал в этот образ другой смысл.

— Да уж, надо полагать, другой, — хмуро согласился Володя. — Но получилось, что именно этот. Вот тебе и совпадение. О-хо-хо...

---

* Специальная картонная рамка или подклейка для портрета, гравюры, книжной иллюстрации и т. п.

Весь день и всю ночь у него не выходила из головы эта история. Антон вновь и вновь прокручивал перед глазами сцену Мишиного убийства — так, как он ее представлял. Вот идет себе по улице парень, может, из караоке-бара, и весело напевает под нос песенку. Вдруг из-за угла появляется тень — человек в черном, его невозможно отделить от ночного мрака — и палкой наносит удар по голове беспечного гуляки. Прохожий падает, невидимый грабитель забирает себе его вещи и снова растворяется в непроглядной тьме. Кто это был? Неизвестно. Тень, которую Мишина судьба избрала в качестве своего орудия.

Купцов вышел из магазина подышать свежим ночным воздухом. Уже за углом, там, куда не добирался тусклый свет ночного фонаря, началась крошечная мгла. Антон дошел до края магазина и нырнул в нее. В своей черной охранный форме он сливался с ночью, становился ее братом-близнецом, делался тотально неотличим от нее. Он постоял несколько минут неподвижно, прислушиваясь к тишине, что окружала его. Вот так, наверное, и Мишин убийца стоял, хладнокровно выжидая редкого ночного прохожего, подумалось Купцову. Может, он вовсе и не планировал лишать его жизни, просто хотел забрать деньги, но не рассчитал силы удара и взял на себя несмываемый грех человекоубийства. Возможно, он даже и не узнал до сих пор, что Миша скончался. Если, конечно, на следующий день не прочел какую-нибудь газетную заметку из утренней хроники. Да, жутко и странно все это, жутко и странно.

Возможно, в те минуты Купцов еще не отдавал себе отчета в том, что примеряет на себя костюм грабителя, надевает страшную маску человека из своих кошмаров. И уже присматривается, принимается к ночи, пытается притереться к новой роли, в которую готов вжиться. Пытается понять, тварь он дрожащая или способен добывать деньги даже таким способом. Без крайностей, боже упаси, без членовредительства и тем более смертоубийства. И уже знает, что способен, и чувствует, что готов, и осознает, что очень скоро сделает это...

Антон вернулся с ночной смены смертельно уставший — не от работы, а от поглотивших его мыслей. Он понимал, что затеял игру, которая и на общечеловеческом, и на юридическом языке именуется *преступлением*. А ведь известно, что за преступлением иногда следует *наказание*. Молодому человеку было от этого несказанно тяжело на сердце, но он знал, что иначе ему никак не выбраться из «долговой ямы», куда его угораздило попасть.

Чтобы мозг не взорвался от бурлящей деятельности серого вещества, Купцов выпил таблетку снотворного и уснул. Из повседневной реальности его тут же выбросило в зыбкую материю сновидений. Антон бежал по пустынной каменистой местности вслед за летящим расписным зонтом. Вдруг он буквально лбом наткнулся на огромный циферблат часов. Они свисали с неба на серебряной цепи, конец которой прятался за облаками. Антон выругался и помчался дальше. Он должен был во что бы то ни стало догнать зонтик, но яркую вещицу неумолимо уносило ветром все дальше и дальше. Антон вовремя заметил впереди старинные ромбовидные часы, которые, покачиваясь, зависли в зыбком воздухе. Он отскочил в сторону, однако не ощутил под собой твердой поверхности. Земля неожиданно ушла у Антона из-под ног, и он угодил в пустоту, рухнул в бездну, в безграничное звездное пространство.

Когда Купцов проснулся, сна он уже не помнил. Осталось лишь стойкое ощущение того, что ему нужно сделать нечто скверное. Нечто, идущее вразрез с его мироощущением, принципами, душой и в то же время совершенно необходимое. Окончательно придя в себя, он вспомнил, *что* за дело ему предстояло совершить, и

обреченно вздохнул. Антон хорошо понимал: ему не удастся избежать свершения задуманного. Он может лишь оттягивать момент инициации, посвящения в злодеяние, но стрелочный ход часов будет безжалостно напоминать о том, что остановить время невозможно, а вот упустить благоприятный момент очень даже легко. И если он сам вовремя не совершит насилия, насилие рано или поздно совершат над ним. . .

Весь день Антон не находил себе места и мрачно метался по комнате, как угордивший в клетку зверь. Ближе к вечеру он заставил себя выпить чашку чая и съесть бутерброд. Потом открыл шкаф и достал оттуда свой черный маскарадный плащ и белую маску Баута*. Незадолго до карнавала их собственноручно изготовила Эвита. Вряд ли она предвидела, какое неожиданное применение найдет костюму Антон, но раз эта романтическая одежда когда-то помогала венецианцам проворачивать их темные делишки, то пусть она теперь послужит ему, Антону, для реализации его собственных замыслов. Надо только залить маску черной акриловой краской, что осталась после Эвиты: белому пятну не место во мраке ночи, совсем не место.

7

Купцов дождался, когда на улице совсем стемнеет, и тихонько вышел из квартиры. Прислушался, не слышно ли шагов или голосов в подъезде: ему не хотелось, чтобы соседи видели, как он на ночь глядя уходит из дома. Убедившись, что на лестнице все тихо, Антон на цыпочках спустился вниз и выскользнул на улицу. Он быстро и бесшумно обогнул угол дома и рысцой метнулся к гаражам. Антон благополучно затерялся между рядами одинаковых железных строений и, уже не торопясь, наискосок вышел к бульвару.

Свои действия Купцов спланировал еще днем. Он решил, что устроит засаду на запоздалого прохожего, притаившись между двумя пятиэтажками — они находились буквально в двух кварталах от его дома. Если вдруг ему самому срочно придется спасаться бегством, разумно было держаться поближе к собственному жилью. Это место было выгодно еще и тем, что его совершенно не освещали фонарями. К тому же, оттуда можно было спокойно наблюдать за тускло подсвеченным бульваром и улицей, пересекавшей его. Всех людей, готовых сократить путь и пройти через двор между двумя смежными домами (а так поступали многие), Антон мог увидеть заранее и встретить их в буквальном смысле во всеоружии.

Купцов дошел до площадки, где днем играли дети из обеих пятиэтажек, и поставил на скамейку спортивную сумку. В ней находилась теперь уже черная маска и полный маскарадный костюм: широкий плащ с кружевной пелериной, перчатки и кусок черного шелка, что надевался на нижнюю часть лица и скрывал шею. А на самом дне лежал увесистый железный ломик — отец Антона когда-то унес его в подвал. Купцов дал себе слово, что воспользуется им лишь в крайнем случае: только если с «клиентом» невозможно будет договориться мирным путем. Еще Антон поклялся, что его жертвами будут исключительно мужчины, а девушки смогут спокойно проходить мимо благородного грабителя, не опасаясь за свое имущество и здоровье. (Кажется, Антон на пару с автором перемешал персонажей

---

* Происхождение названия, вероятно, связано с итальянским словом «бау» или «бавау», обозначающим вымышленное чудовище, которым пугали маленьких детей (что-то вроде русского Бабая или Буки). Несмотря на свой жутковатый вид, маска пользовалась у венецианцев особой любовью. Она хорошо скрывала пол и возраст. Её предпочитали носить аферисты, преступники и любовники. Интересно, что нижняя часть маски была устроена таким образом, что человек мог есть и пить, не обнажая лица. Баута обладала еще одним преимуществом: благодаря ее специфической форме голос человека менялся, позволяя оставаться неузнаваемым. Хотя сама маска означала смерть, считалось, что человека в этой маске смерть не узнает и пройдет стороной.

из разных эпох и культурных контекстов, но какая разница: главное, чтобы было интересно играть.)

Чувствуя, как у него бешено колотится сердце, Антон медленно облачился в свое мрачное одеяние — ночью оно делало его невидимым даже с близкого расстояния. Он взял в руки лом и, едва слышно шелестя черным шелком, прокрался к «наблюдательному пункту». Спустя четверть часа бесконечного ожидания Антон увидел, как к «засаде» быстрым шагом приближается человек. Почти умирая от волнения, Купцов покрепче сжал железо и черным привидением шагнул навстречу своей жертве.

Глава четвертая

1

Антону с самого начала удивительно везло. При помощи какого-то непередаваемого чувства он угадывал человека, на которого следовало напасть. Зрительно он, конечно, заранее приценивался, приглядывался к прохожим. К огромным бугаям не приставал, выбирал людей субтильных и желательно невысоких, чтобы можно было поудачнее приложиться к ним железной палкой с высоты своего немалого роста. Но вот каким образом Купцов выбирал тех, у кого и деньги при себе имелись в большом количестве, и дорогие вещички оказывались в сумке, и золотишко на теле поблескивало — этого он уже объяснить не мог. Как у писательницы Гертруды Стайн* при виде гения звонил особый внутренний колокольчик, так у Антона Купцова при появлении нужного человека по-особенному ухало в животе. Ко всему прочему, Антон умудрялся останавливать тех, кто в неприятной ситуации вел себя вполне благоразумно. Не звал на помощь, не брыкался, не истерил и не дожидался, когда опасно занесенная в воздух «палица» опустится ему на голову. Просто складывал на землю все, что просил у него черный монстр с замогильным голосом, а потом безмолвно продолжал свой путь.

Разумеется, Антон предвидел, что при ведении столь одиозного бизнеса неожиданно могут возникнуть разные критические обстоятельства, когда без применения лома обойтись будет невозможно. Поэтому он с помощью Интернета изучил нюансы строения головы и тех мест на ней, что особо уязвимы при ударах. Например, Купцов хорошо усвоил, что желательно не травмировать человеку основание черепа, потому что это чревато тяжелыми ушибами мозга. А механическое повреждение задней части головы могло привести к потере зрения. Лучше было наносить скользкие удары чуть выше лобных долей, не затрагивая височную область. Просто чтобы вызвать у «клиента» легкий шок. Хорошо бы еще при этом немного содрать кожу, чтобы по лицу человека ручейком потекла кровь: в принципе, это совсем неопасно для жизни, но эффект мог быть ошеломительным. Словом, Антон был готов максимально театрализовать ситуацию, оказать на человека психологическое давление и испугать до полусмерти, однако при этом не нанести ощутимого вреда его здоровью.

Купцов никогда не поджидал потенциальную жертву в одном и том же месте. Каждый раз он подыскивал новый тихий дворик, где под покровом ночи вершил свое мрачное дело. Иногда он уезжал в другой район города, и потом приходилось по целому

---

* Американская писательница первой половины XX века, известная своим пристрастием к литературному абстракционизму. Стайн считают основоположником техники письма «поток сознания». Проза ее отличается нарочитым косноязычием, которое скрывается за бесчисленными ассоциациями, мгновенно рождающимися в сознании автора.

часу пешком добираться домой. Но так ему было спокойнее: чем более непредсказуемо он появлялся в том или ином месте, тем больше было шансов, что на него самого не устроят облаву полицейские. У Антона хватало ума понимать, что ограбленные им люди вполне могли написать заявление с жалобами на таинственного ночного разбойника, и не исключено, что правоохранительные органы уже ведут его поиски.

Руководствуясь теми же соображениями личной безопасности, Купцов никогда не совершал два ограбления за ночь. Сложив в сумку все, что могли предложить ему незадачливые прохожие, он быстро, но осторожно добирался домой и там занимался внимательным изучением своего «дохода».

Прежде всего, Купцова интересовали бумажники, точнее, их содержимое. Бывало, что там находилось всего пятьсот рублей, но как-то раз он обнаружил в недрах великолепного портмоне почти сорок тысяч. Радость того момента была непередаваемой. Она оказалась сильнее, чем то нервное томление, которое неизменно мучило Антона перед выходом на «работу», и изъедавший душу страх, что был неизменным спутником его ночных вылазок. Он испытывал не меньшее воодушевление и в те минуты, когда вдруг извлекал на свет божий несколько иностранных купюр — доллары или евро. Тогда в припадке признательности Купцов заочно благодарил бывших владельцев валюты за то, что они согласились поделиться с ним частью своих денег. Эти благодарственные молитвы были совершенно искренние, в них не было ни капли циничной глумливости.

Столь же приятными находками оказывались дорогие сотовые телефоны, планшеты, фото- и видеоаппаратура, ноутбуки и, конечно, золотые украшения. Однако с такими вещами было гораздо больше мороки, чем с наличностью. Чтобы обращать эти ценности в живые деньги, их нужно было куда-то сбывать. Антон не был идиотом и понимал, что отнести их в комиссионку — это все равно что явиться в полицейское отделение с повинной. Поэтому по воскресеньям он стал наведываться в близлежащий городок, который находился в часе езды на автобусе, и потихоньку торговал награбленным добром не местном рынке. Понятно, что цена, которую он просил за вещи на толкучке, была гораздо ниже их реальной стоимости, и все же любая выручка приносила ему большое удовлетворение.

Вскоре Антон познакомился на рынке с бойким парнем кавказской наружности, и тот согласился за умеренную плату реализовывать его товар. Купцов благодарно не стал сообщать о себе никаких личных данных и попросил называть его просто Димой.

— Габил, — в свою очередь представился парень. — Это дагестанское имя. В переводе означает «Авэл».

— А что такое «Авэл»? — недоумевающее спросил Антон. — Не понял.

— Ну ты дэбил, — рассмеялся дагестанец, потешаясь над его дремучестью. — Это такой малчык из Библии, которого убил его братан.

— Авель, что ли? — догадался Купцов. — Прикольно тебя родители назвали. Надеюсь, брата твоего не Каином зовут?

— Нет, что ты, — отозвался тот. — Брата зовут Иисус.

— Н-да, — ухмыляясь, протянул Антон. — Видать, меня к тебе привел сам бог. Не иначе.

Случалось, конечно, и так, что удача Антону изменяла и он возвращался с охоты налегке. Однажды Купцов бездарно провел полночи у черта на куличках, затаившись возле какой-то стройки. Он уже хотел ни с чем возвращаться домой,

когда заметил парня со спортивной сумкой. Тот шагал, беспечно насвистывая, как вдруг перед ним вырос черный монстр с ломом в руках.

— Сумку, деньги, телефон — все на землю, — кратко велело чудовище странным голосом, будто исходившим из глубины колодца. — И без глупостей, иначе я вышибу тебе мозги.

— Хорошо, — испуганно пролепетал парень, ставя на асфальт сумку и кладя на нее мобильник. — Денег вообще нет, даже вот на такси не осталось.

— Золото?

— Не ношу.

— Че гонишь, сука? — мрачно сказал грабитель, замахаясь на парня железной палкой.

— Это правда, — чуть не плача, воскликнул тот.

— Тогда пошел вон! — приказал человек в черном и ногой придвинул к себе сумку.

Парня не нужно было просить дважды — его словно ветром сдуло и унесло за поворот. А Купцов взял его имущество и растворился в темноте.

Дома Антон открыл сумку парня и чуть не выругался от злости. На дне сиротливо лежали две барабанные палочки — больше там ровным счетом ничего не было. Наверное, нищий музыкант, подумал Купцов. Халтурил ночью в какой-нибудь бичевской забегаловке, заработал копейку и тут же ее прогулял со своими друзьями. Телефон у парня тоже оказался отстойный: старенький Samsung с поцарапанным корпусом и болтавшейся на соплях задней крышкой. Антон в сердцах разбил его и выкинул в мусорное ведро. А сумку, как и все другие, оставшиеся от прошлых походов, забросил в платяной шкаф. Антон решил, что когда сумок накопится достаточно много, он вывезет их разом к озеру и там сожжет. Не по улице же с ними ходить, в конце-то концов.

Через пару недель после этого случая, в первых числах августа, у Купцова снова вышла осечка с «клиентом», причем тогда он впервые пустил в ход лом. В ту ночь Антон решил снова пойти в памятный дворик между двумя пятиэтажками, где началась его криминальная карьера. Уже прошел месяц с тех пор, как он устроил там свое дебютное реалити-шоу, и вряд ли нужно было опасаться, что сейчас полиция именно в том месте устроит на него засаду.

Купцов по обыкновению шагнул из мрака навстречу прохожему. Это был молодой мужчина среднего роста. На плече у него висела небольшая стильная сумка, на голове красовалась кепка. Когда Антон занес над ним железо и потребовал личные вещи, его внезапно ослепил мощный луч фонарика — судя по всему, прохожий носил это «оружие» специально для таких случаев. Ничего не видя от вспышки невероятной мощности, Купцов наугад размахнулся ломом и почувствовал, как он опустился мужчине на плечо. Антон услышал приглушенный вскрик и звук быстро удаляющихся шагов. Через несколько секунд зрение вернулось, и Купцов в ярости понесся за беглецом вниз по улице. Благодаря длине своих прыжков он очень быстро его настиг и с силой ударил по голове. Мужчина молча упал на бок. Опустив голову к подбородку, он прикрыл руками лицо.

— Сумку, мразь! — со злобой прошипел Антон, стоя чуть поодаль, чтобы строптивец не сбил его с ног каким-нибудь неожиданным приемом. — Живо!

Тот одной рукой снял с плеча сумку и кинул Купцову в ноги. Антон подцепил ее палкой за ручку и быстро повесил на шею. В нем не успел утихнуть гнев на бестактное поведение жертвы, и он еще раз, в качестве нравственного урока, несильно ударил мужчину ломом, скользнув им где-то в районе челюсти. Пусть знает, как сопротивляться таинственным силам зла, хмыкнул про себя Антон. После этого он снова скрылся в темноте детской площадки, где осталась его «рабочая» сумка.

В этот раз он даже не стал сбрасывать с себя костюм с маской, а быстро убежал за гаражи и только там притормозил, чтобы вернуть себе человеческий вид.

Когда дома Антон извлек на божий свет сумку мужчины, он увидел, что ее дорогая кожа испачкана в крови. Видать, он саданул беднягу от всей души. Брезгливо оттерев красные пятна влажной салфеткой, Купцов открыл сумку, гадая, какие сокровища таятся в ее глубине. Каково же было его разочарование, когда он вытащил лишь негативы фотографий, что были сделаны аналоговым фотоаппаратом, пачку снимков да толстую тетрадь с какими-то записями. А то, что представляло для Купцова «шкурный» интерес, увы, отсутствовало.

Неимоверно злой на весь мир за столь неудачный выход на работу, Купцов запихал ненужную дребедень обратно в сумку и забросил ее в шкаф вместе с остальными трофеями. Он устало поплелся в ванную, чтобы почистить зубы, а потом свалился на диван и мгновенно уснул. Бессонные ночи уже начали сказываться на его организме и внешнем виде.

3

На следующее утро Антон проснулся в более благодушном настроении. Он сладко потягивался в постели, не торопясь встать, и размышлял о том, что, несмотря на досадные промахи вроде вчерашнего, его «теневого бизнес» продвигался очень даже неплохо. Об этом свидетельствовал весьма солидный банковский счет. Если дело и дальше будет идти так же стабильно, он соберет все деньги уже к концу сентября. И у него останется целый месяц в запасе.

Лениво повернувшись на бок, Купцов увидел, что на полу рядом со шкафом-купе валяется фотография. Наверное, выпала вчера из пачки снимков, которые оказались в сумке ограбленного мужчины, решил он и потянулся за фото, все еще не желая покидать уютную постель. Однако едва Антон взял фотографию в руки, как подскочил, словно ошпаренный: на ней красовалась Эвита — она держала над головой один из собственных расписных зонтиков! Девушка шла по улице спиной к фотографу, а он уловил момент, когда та случайно обернулась и, видя наведенный на нее объектив, широко улыбнулась человеку с фотоаппаратом. Казалось, снимок сделали абсолютно спонтанно, однако его выстроили так идеально, кадрировали так точно, что Антону было ясно: сюжет заранее отрепетировали. Возможно, сделали целую серию пробных фотографий, прежде чем выбрать эту, единственную, на которой Эвита выглядела потрясающе естественно в своем «сиюминутном» движении.

Утреннюю томность Антона как рукой сняло. Он выскочил из постели и, не отягощая себя одеванием и туалетными процедурами, достал из шкафа сумку, которая могла таить в себе еще какие-нибудь сюрпризы. Купцов вытащил пачку фотографий, надеясь найти среди них и другие снимки Эвиты. Увы, его ожидания не оправдались. Фотохудожник явно испытывал большую склонность к пейзажным снимкам, архитектуре, постановочным натюрмортам, нежели к портретному жанру. На его работах люди лишь изредка оттеняли прекрасные виды природы, городских улиц и площадей, но никогда не являлись центром композиции. В этом отношении единственный снимок Эвиты был исключением.

Впрочем, даже этой фотографии было достаточно, чтобы Антон понял: человек, сделавший ее, был каким-то образом связан с его «сбежавшей невестой», значит, он мог помочь отыскать Эвиту. Только как же теперь найти этого парня в кепке? Не объявление же в газету давать: мол, я тебя, хороший человек, вчера ограбил и побил, а сегодня хочу вернуть твое добро и подружиться с тобой.

В надежде раздобыть хоть какой-нибудь ключик к выяснению его личности, Купцов снова вывалил на пол все содержимое сумки и исследовал каждый потаенный кармашек: там могло притаиться рабочее удостоверение, водительские права, квитанция за газ или свет — любой документ с именем фотографа. Не увидев ничего подобного, он изучил все надписи на фирменной упаковке из фотолаборатории: обычно ведь на таких пакетах пишут фамилию заказчика. Однако и тут Антон ничего не обнаружил.

Оставалась еще наполовину исписанная тетрадь. Купцов открыл ее — записи в ней делались красивым твердым почерком. Так как каждая запись начиналась с указания определенной даты, это мог быть личный дневник мужчины. Перелистывая страницы, Антон вдруг с изумлением обнаружил в середине тетради визитную карточку магазина “Singing in the Rain” — того самого, где продавались зонтики, собственноручно расписанные Эвитой. От волнения у него перехватило дыхание: *столько* случайных совпадений в жизни не бывает, поэтому у него развеялись последние сомнения насчет того, что между автором записок и Эвитой существовала некая связь.

С бьющимся сердцем Купцов поднялся с пола и положил тетрадь на диван. Поскольку ему предстояло надолго погрузиться в чтение дневниковых записей, Антон хотел, чтобы голова у него работала кристально ясно. А для этого нужно было выпить как минимум две чашки крепкого чая...

4

5 апреля 2014 года

Все утро я ходил с мыслью о том, как ненавижу свою работу. И пытался понять, почему я годами занимаюсь тем, что вызывает у меня лишь внутренний протест. Ведь все мое существо бунтует против тех отношений с «подопечными», которые навязывает мне профессия. Я отлично понимаю, что некоторые из них — отъявленные мерзавцы и настоящие подонки, но в то же время постоянно держу в голове, что все они такие же люди, как и я. Иногда мне кажется, что я просто устал и если хорошенько отдохну, то все придет в норму. Но потом понимаю, что нет, не придет. Я просто подошел к той черте, когда больше не могу уже заниматься этим неблагодарным делом. Так не проще ли решиться и положить конец бесконечному истязанию себя и других? К тому же я знаю, что мое место с радостью займут коллеги. Недостатка в желающих выполнять мою работу явно не будет. Значит, просто нужно зажмуриться и совершить прыжок в неизвестное. Неважно куда — лишь бы подальше отсюда.

Занятый этой мысленной жвачкой, я шел по бульвару и даже не заметил, как начался мелкий дождик. Я ускорил шаг, чтобы добраться до дома, прежде чем разразится предсказанная синоптиками гроза, но возле турников меня окликнул женский голос. Я оглянулся: на перекладине вниз головой висела очаровательная девушка в джинсах и кожаной куртке. Ее великолепные рыжие волосы почти доставали до асфальта.

— Молодой человек, — позвала меня обладательница огненной гривы, — вы не могли бы поддержать надо мной зонтик? Он у меня в сумочке — вон, на скамейке, видите?

— Да, да, конечно, — отозвался я, — одну секунду.

— И сигареты тоже оттуда возьмите, — добавила девушка. — Курить хочется ужасно.

Я подошел к лавочке и достал из лоскутной кожаной сумки странный зонт. Его поверхность была ярко расписана какой-то безумной абстракцией. Работа была

явно ручная, потому что я ощущал пальцами слой красок — очевидно, водостойких. Прихватив заодно пачку дамских сигарет и зажигалку, я вернулся к девушке.

— Подкурите мне, пожалуйста, — попросила рыжая спортсменка. — Если, конечно, вам нетрудно. Видите ли, мне нужно провисеть на турнике четверть часа. Это упражнение на вытягивание позвоночника, его нельзя прерывать.

Я послушно вытащил одну тонюсенькую сигарету с длинным фильтром, обкопченным золотым ободком. Прикуривая ее, я подумал, что, наверное, нелепо выгляжу в своем брутальном одеянии с этой изящной сигареткой. Поэтому я побыстрее убрал ее изо рта и вставил в губы рыжеволосой. Она отработанным движением переместила тлеющую сигарету в угол рта. Затягиваясь правой его частью, она выпускала дым через приоткрытые губы с левой стороны. При такой технике курения руки были абсолютно не нужны.

Пока она дымила, я раскрыл зонт и попытался приладить его над телом девушки так, чтобы дождь не намочил ей лицо и волосы. Дождавшись, когда она докурит и выплюнет остатки сигареты, я поинтересовался:

— Где вы взяли такой необычный зонтик? Никогда не видел подобных.

— Мощный, да? — с легкой гордостью в голосе произнесла та. — Это я сама расписала.

— Не может быть, — восхитился я. — Так вы художница?

— Ну, можно сказать и так, — неопределенно ответила она. — Художник-абстракционист. Хотите, расскажу, как я стала писать абстрактные полотна, чтобы вам нескучно было со мной стоять под дождем?

— Вы еще спрашиваете, — воскликнул я, — конечно, хочу!

— Ну, тогда слушайте. Я начала увлекаться живописью в связи с моей тогдашней работой. Работала я, пардон, мусорщицей. Нет-нет, вы не подумайте, я была чистой, абсолютно чистой! Нас было много, профессиональных мусорщиков, и мы все бились за то, чтобы быть поближе к контейнерам одного банка. Как вы думаете, что нас так влекло к ним? Конечно же, тысячи и тысячи банковских бумаг, они как-то особенно мерцали по ночам. Понятно, что все мусорные ящики были до отказа забиты бумагами. Я каждый день видела эти копии и поручительства, балансы и договоры. И постепенно они стали складываться для меня в какое-то абстрактное полотно. Оно каждый день немного видоизменялось, но его загадочная сущность оставалась прежней. А ведь ничто так не вдохновляет на творчество, как ежедневное созерцание некоего фантастического творения. И вот в один день я решила и создала свою первую абстрактную картину. Я написала невнятное лицо, просто составила его из фрагментов денежных купюр мира, всех, которые знала. Понятно, что я пыталась подражать своему гениальному учителю — мусорному контейнеру, но все же это было начало новой эпохи в моей жизни...

Рыжая художница прыгнула с турника и взяла у меня из рук зонтик.

— Замечательная история, — искренне похвалил я. — Это правда или вымысел?

— А что вам больше нравится — правда или вымысел?

— По большому счету, это не имеет никакого значения, — ответил я. — И то, и другое способно породить реальность. В первом случае — объективную, во втором — субъективную. В моей работе это очень даже заметно. Реальность многих людей, которые вовлечены в игру с моими клиентами, напрямую зависит от того, что выглядит убедительнее — правда или ложь. А как художник художнику я вам скажу так: что интереснее смотреть, читать или слушать — то и есть самая настоящая правда.

— Вы такой философичный, — оценивающе глядя на меня, сказала девушка. — Я бы хотела как-нибудь пригласить вас к себе в мастерскую...

11 апреля 2014 года

Все тела похожи, все гостиницы, сады и мастерские, но мастерская Э. не похожа ни на одну. Так же как ее хозяйка. Это не просто женщина — это целое явление. Когда я постучал в дверь (звонка у входа я не обнаружил), изнутри раздался громкий голос Э., она приглашала меня войти. Я приоткрыл дверь и тут же отпрянул: в конце длинного, тускло освещенного коридора на стуле сидела Э. Она была обнаженная, к тому же ее поза с разведенными на стороны ногами никак нельзя было назвать целомудренной. Я застыл у порога, не зная, куда мне девать глаза от смущения. У меня было чувство, что я по ошибке попал в дамскую уборную. В эту минуту из комнаты выглянула еще одна Э. — одетая. Видя мое замешательство, она расхохоталась.

— А ты, оказывается, стеснительный, — весело удивилась она, — какая милота! Разве можно с твоей работой впасть в ступор при виде голых женщин, как бы причудливо они ни выглядели?

— Сейчас я не на работе, — проворчал я и кивнул в сторону невозмутимой девушки на стуле. — Что это?

— Это манекен, моя точная копия, — объяснила Э. — Мастер сделал его по моему спецзаказу. Я вообще-то работаю модельером.

— Ясно, — сухо бросил я, проходя вслед за хозяйкой в комнату. Я постарался скрыть сиюминутное раздражение: не люблю, черт возьми, когда меня выставляют в дурацком свете. Особенно женщины.

В центре комнаты на полу лежали обглоданные кости — не то индюка, не то бройлерной курицы.

— Это гусь, — пояснила Э., — точнее, все, что от него осталось. Я сейчас быстренько дорисую с ним этюд, а ты пока можешь на кухне налить нам мартини. Бутылка на столе, фужеры в шкафчике.

Когда я вернулся с мартини в руках, Э. сидела на полу и увлеченно штриховала рисунок, метая острые взгляды-ники в направлении останков гуся.

— Спасибо, — сказала она, принимая от меня фужер. — У меня страсть к гусиным скелетам. С тех самых пор, как я начала рисовать. Мне всегда казалось, что это какой-то многомерный лабиринт, и из него невозможно найти выход. Как-то раз я сидела в Дрездене на газоне с этюдником в руках. Передо мной на газете лежал гусиный скелет, сзади находился какой-то замок-музей. Мимо проходил старенький служитель этого здания. Он заметил меня, поморщился и сказал, что вместо того, чтобы рисовать «падаль», я бы лучше изобразила музей. Дурак, очень мне было интересно изображать этот убогий замок! В нем же все ясно, как день. В общем, я послала служителя к черту и продолжала рисовать гуся. И по сей день рисую, эти скелеты для меня — неисчерпаемая тема. Я сделала сотни набросков, этюдов, карандашных рисунков. Я изучала скелеты со всех сторон и даже делала вид изнутри. Но и сейчас я не готова написать полотно с гусиным скелетом. Потому что это должен был не просто птичий остов, а настоящая модель Вселенной. Хитрая, как лента Мёбиуса*. Бесконечная в своей смысловой

---

* Лента Мёбиуса — это трехмерная неориентируемая фигура с одной границей и стороной. Этим она уникальна и отлична от всех других предметов, которые могут встретиться в повседневной жизни. Попасть из одной точки этой поверхности в любую другую можно, не пересекая края. Хотя это одна из самых необыкновенных геометрических фигур, ее модель может легко быть сделана: для этого надо взять достаточно длинную бумажную полоску и соединить ее противоположные концы, предварительно перевернув один из них. Мотив ленты Мёбиуса охотно используется в искусстве: скульптуре, живописи, кинематографе, литературе. С лентой Мёбиуса, например, сравнивается течение романа современного русского писателя Алексея Шенелёва «ЕCHO». Из аннотации к книге говорится: «„ЕCHO“ — литературная аналогия кольца Мёбиуса: две сюжетные линии — „мальчиков“ и „девочек“ — переплетаются, перетекают друг в друга, но не пересекаются».

многозначности. Единственное, с чем я определилась, так это с названием картины. Она будет называться «Синдром Красного Какаду».

— Почему именно так? — спросил я, не переставая поражаться художественному видению этой удивительной девушки.

— Не знаю, — пожала она плечами. — Название родилось так давно, что я уже не помню, как оно появилось на свет. Может, оно пришло ко мне во сне. А может, мне его наваял какой-то фильм или роман. Я знаю только, что оно очень концептуальное и полностью отражает глубинную суть картины. Полотно я еще не вижу, но уверена, что оно будет постепенно вырастать из этого названия, как растение вырастает из семечка.

Э. отложила в сторону планшет и карандаш и поднялась на ноги. Она подошла к японской складной ширме в углу мастерской и вынесла спрятанное за ней полотно. Мне сразу показалось, что оно не окончено. Возможно, потому, что тело обнаженной женщины, написанной на холсте, не имело головы. Часть шеи упиралась в самый край полотна, и поэтому создавалось ощущение незавершенности. Оказалось, моя догадка была верна.

— Смотри, вот эта картина тоже выростала постепенно, — сказала Э. — Сначала я написала только ноги, думая, что это и будет законченное произведение. Но однажды эти ноги явились ко мне во сне и пожаловались на невыносимую легкость бытия. Нам бы какую-нибудь тяжесть на себе потаскать, капризно заявили они, навесь-ка на нас, подруга, еще немного мяса. Утром я на отдельном куске холста написала верхнюю половину тела и сшила оба полотна. И, уже не дожидаясь, когда эта туша без головы снова нанесет мне визит во сне, решила изобразить лицо. Только у меня ничего не вышло. Ни одна голова не выглядела адекватной, когда я приставляла ее к шее. Прямо какие-то неудачные эксперименты профессора Дуэля.

— А скелет гуся не пробовала приставить вместо головы? — пошутил я.

— Нет, — серьезно ответила Э. — Я пошла другим путем. Я стала просить всех людей, которые приходят ко мне сюда, примерить на себя это тело. В надежде, что чье-то лицо подойдет.

— Может быть, ты и меня для этого пригласила? — спросил я.

— В том числе и для этого, — все так же без тени улыбки сказала Э. — Пойдем к зеркалу.

На секунду я ощутил, как меня захлестнула волна возмущения. Как смеет эта девчонка так ущемлять мое мужское самолюбие! Но в пространстве мастерской было нечто, моментально нейтрализующее всякий душевный шторм. Вместо того чтобы резко прекратить бредовую игру Э., я послушно подошел с ней к зеркалу. Она попросила меня взять полотно в руки и приладить его к себе так, чтобы «стыки между жизнью и искусством» были минимальными. Я подчинился. На мое удивление, обнаженное женское тело необыкновенно пропорционально сочеталось с моим лицом. Но само сочетание было диким сюрреализмом, вид этого андрогинного гибрида в зеркале вызвал у меня чувство гадливости.

— Неплохо, но ты слишком мужественный, — окидывая меня пристальным взглядом, сказала Э. — Сейчас мы это исправим.

Она вынесла из-за ширмы черный парик-каре и нахлобучила его мне на голову. Отражение в зеркале непередаваемым образом изменилось. Теперь на меня глядела настоящая женщина. Для представительницы прекрасного пола она была, конечно, страшновата — некий печальный образ утратившей свежесть еврейки — но это была женщина! Одним незамысловатым движением художница тотально перечеркнула мою мужскую сущность. Напялив на меня парик, она словно кастрировала меня. Я ощутил, как у меня болезненно сжались мышцы в

низу живота, но с ужасом осознал, что эта нелепая голая еврейка в зеркале мне нравится. Я не мог оторвать от нее глаз.

— Кажется, я нашла, что искала, — с радостным волнением в голосе произнесла Э. — Интересная женщина, правда?

— Я бы с большим удовольствием убил ее, — пробурчал я.

— Подожди, я только сфотографирую эту чаровницу, а потом ты уже можешь поступать с ней, как тебе вздумается, — сказала Э., направляя на меня объектив старенькой «мыльницы».

1 мая 2014 года

Праздничный день чудесным образом совпал у меня с выходным, и Э. пригласила провести его с ней в мастерской. Я чувствовал, что наша встреча будет необычной — впрочем, было ли хоть одно свидание с ней обычным? Между нами назревало что-то большее, нежели обоюдный интерес к живописи и кино, и это «что-то» обещало вот-вот перейти в новое качество. Чтобы подчеркнуть важность момента, я по пути в мастерскую зашел в зоомагазин и купил золотую рыбку в аквариуме. В качестве подарка для «златовласой» Э.

— Какая милота, — воскликнула Э., когда я протянул ей аквариум. — Я как раз думала о том, что бы приготовить сегодня на ужин.

— Эй, не вздумай взять такой грех на душу, — предостерег я. — Бог тебя не простит.

— Если бы Бог существовал, я бы первая узнала об этом, — сказала Э.

— Как ты думаешь, где будет лучшее место для золотой рыбки? — поинтересовался я, игнорируя ее дерзкое теологическое замечание.

— Думаю, лучше всего ее было бы отпустить в море.

— Ни в коем случае, — возмутился я. — Она будет королевой дома.

— Тогда поставь ее на табурет возле окна, — отмахнулась Э. — Пусть она будет королевой поломанной мебели.

Судя по всему, мой подарок совсем не впечатлил девушку. Наверное, он был банальным и каким-то мещанским. Я рисковал в следующий раз прийти к ней в гости и увидеть обглоданный рыбий скелет в качестве природы для рисования. Думаю, надо было купить Э. огромного экзотического паука, чтобы он ползал у нее по телу, пока она спит.

Когда я поставил аквариум на табурет, Э. ушла за раздвижную ширму. Через полминуты оттуда выглянуло ее лукавое личико, потом высунулась рука, и она жестом подозвала меня к себе. Я не без волнения заглянул за ширму: меня еще не удостоивали чести лицезреть это закулисье. Оказывается, там скрывалась не только часть комнаты, где Э. хранила холсты, книги, инструменты и где обитал ее жутковатый двойник-манекен. Там еще была большая ниша. Места в ней было как раз достаточно, чтобы вместить двуспальный матрас. Нишу освещала свисающая с потолка лампочка без плафона. На матрасе стоял расписанный рукой Э. поднос с бутылкой мартини и фужерами. Мое сердце забилось быстрее от радостного предчувствия: несомненно, это было приглашение к любовной игре.

Мы уселись на матрасе, удобно обложившись подушками, которые, судя по всему, хозяйка тоже сшила сама. Я разлил мартини и протянул Э. фужер.

— За тебя, — произнес я краткий тост.

— За всех нас, — загадочно улыбаясь, сказала Э. и поцеловала меня в губы. — У меня для тебя отличная новость.

— Ты сама — лучшая новость, — прошептал я и вернул ей поцелуй. — Ты разрушаешь все мои представления о самом себе.

— Тогда ты должен по достоинству оценить мой сюрприз, — проговорила Э. и, поставив фужер на поднос, сняла блузку. От неожиданности я поперхнулся: тело девушки от ключичной ямки до пупка покрывала цветная татуировка в виде двух переплетенных змей.

— Нравится? — засмеялась Э.

— Это же чистой воды экспрессионизм, — сумничал я. — Эта картина влечет меня к себе так же, как и ты.

— Я знала, что ты найдешь моих змей эротичными, — с удовлетворением сказала Э. — Одна из них — это ты.

— Спасибо, — ответил я, польщенный. — А вторая — ты?

— Нет, — покачала головой Э. — Вторая змея — это один студентик, с которым я на днях познакомилась. Неопытный, но очень милый мальчик.

— Вот тебе раз! — воскликнул я, испытав одновременно укол ревности и прилив возмущения. — А какого рожна мы с ним переплелись?

— Не бесись, котик, — успокоила меня Э. — Это же вы только в **моем** сознании сплелись в единое целое. Я не могу отдать предпочтение ни одному из вас. Я в вас обоих в каком-то смысле влюблена. Вы оба живете во мне, как одно существо.

— «Вы оба живете во мне», — пробурчал я, передразнивая Э. — Знаешь, ни одному мужчине не будет приятно услышать такие слова. Узнать вот так, что у него есть некое милое дополнение. Надеюсь, по крайней мере, нам не доведется встретиться всей компанией в одной постели?

— Ну, конечно же, нет, — расхохоталась Э. — Какие же вы, парни, все-таки собственники!

Она обвила мою шею руками и увлекла за собой. Впервые ощущать близость ее горячего тела было сладко и мучительно. Своими пухлыми губами Э. делала что-то невообразимое, и оторваться от них не было никакой возможности. Однако когда я случайно приоткрыл глаза, то вздрогнул от неожиданности: прямо передо мной на стене висели десятки фотографий, и люди, запечатленные на них, в упор смотрели на меня. Взгляд их выражал неодобрение и укор. Под этим обстрелом чужих глаз я жутко смутился. Мне стало стыдно за свою наготу и за то, что я занимаюсь любовью в присутствии незнакомцев.

— Что случилось, котик? — удивилась Э., заметив мое внезапное охлаждение. — Что-то не так?

— Не могу при посторонних, — признался я, кивая на компанию людей, сурово взиравших на меня со стены. Я стыдливо прикрыл руками то, что минуту назад цвело буйным цветом, а сейчас вдруг увяло и уныло повисло.

— Ну ты даешь, — фыркнула Э. — Какие же они посторонние? Это мои родственники, причем половина из них уже давно умерла.

— Легче от этого как-то не становится, — сухо сказал я. — Давай лучше еще выпьем.

— Ты выпей, а я сейчас, — бросила через плечо Э., покидая нишу. Через несколько минут она вернулась с двумя масками. Протянув мне маску Арлекина, Э. велела ее надеть. Сама же скрыла лицо за маской Коломбины.

— Зачем это? — недоумевающее поинтересовался я.

— Так нас никто не узнает, и ты перестанешь стыдиться, — объяснила Э. — Жан-Луи Барро* тоже надевал маску, когда ему нужно было появляться на сцене обнаженным. А ведь в зале сидели сотни людей, к тому же все живые.

— Выдумщица, — усмехнулся я, но послушно надел маску и снова притянул Э. к себе. — Ну, здравствуй, сестра Коломбина.

---

* Барро, Жан-Луи (1910–1994) — выдающийся французский актер и режиссер.

Задумка Э. ни к чему не привела. Я чувствовал внутреннее напряжение, и романтический настрой у меня безнадежно испарился. Тут Э. окончательно меня добила. Оторвавшись от моих губ, она сняла с меня маску и надела мне на лицо свою. Сама же скрылась за ухмыляющейся маской Арлекина.

— Все хорошо, — успокоила она меня изменившимся, хриплым голосом. — Мужчиной ты сегодня не хочешь быть, поэтому твою роль сыграю я. Расслабься, моя девочка. Ну же, будь умницей...

16 мая 2014 года

Я всегда мечтал о девушке, которая напоминала бы мне пейзажи великих японских художников. Была бы мягкой и обволакивающей, как дымка, за коей скрывается непостижимая глубина. И что же я получил? Яркое абстрактное полотно, бьющее по глазам обилием красок и ослепительно жизнерадостное. Вместо непрерывной дымки — коллаж из сногшибательных образов и идей, за которыми, возможно, и таится глубина, но не мудрая, не спокойно-созерцательная, а ерничающая и насмешливая глубина постмодернизма.

Общение с Э. поражает тем, насколько можно перейти все границы правдоподобия. Но, несмотря ни на что, она мне интересна и неизменно волнует воображение. Э. необычайно хороша в обольщении, господстве и подчинении своим прихотям. Ни одной девушке до нее не удавалось пошатнуть мою половую самоидентификацию и заставить ощутить в себе присутствие женщины. И это при моей-то брутальности! Дошло до того, что дома я начал натягивать на себя идиотский парик с буклями, оставшийся от матери, и курить перед зеркалом дамские сигареты. В эти моменты я с удовольствием представляю себя гангстерской шмарой, шлюхой — прожженной и беспринципной. Черт, если бы это вдруг увидели мои сослуживцы, они бы, наверное, избili меня до полусмерти. И я на их месте сделал бы то же самое.

7 июня 2014 года

Сегодня Э. позвонила мне с просьбой помочь ей в мастерской, и после работы я отправился к ней. На полу я увидел кипы свернутых изображений, которые были отпечатаны на нешироких полосах баннерной сетки. Э. объявила, что ей дали заказ — сделать проект инсталляции для какой-то элитной вечеринки. Я же сегодня был ей нужен для сугубо мужской работы: необходимо было натянуть под потолок несколько рядов лески, а потом нанизать на них изображения. Э. показала мне нарисованную схему, согласно которой нужно было протягивать леску, и я приступил к этому увлекательному занятию. Пока я в поте лица трудился, Э. непрестанно курила (прямо здесь, в комнате) и по ходу дела вносила коррективы.

Спустя час я слез со стремянки и издал удовлетворенный вздох. Сейчас мастерская напоминала какой-то лабиринт, состоящий сплошь из самых разных изображений. Это все были кадры из фильмов. Некоторые из них я узнавал, некоторые были мне неизвестны. Когда я поинтересовался, какая идея лежит в основе этой причудливой инсталляции, Э. сказала, что сама до конца не понимает ее сути, но попытается объяснить мне как можно доходчивее.

— Я давно стала замечать за собой одну удивительную вещь, — неторопливо подбирая слова, начала Э. — Допустим, в моей жизни происходит потрясающее событие, или я вдруг изрекаю какую-то оригинальную мысль. Супер! Я, как дура, радуюсь, что у меня появился классный материал для творчества, уникальный, никем не разработанный — просто праздник какой-то. Только радуюсь я, как правило, очень недолго. Вскоре я наугад смотрю фильм и вижу, что с персонажами случается то же самое, что случилось со мной, или они высказывают те же

самые «оригинальные» идеи. Сначала я воспринимала это как случайное совпадение, но потом пришла к выводу, что здесь существует некая закономерность. Я вдруг осознала, что каждый мой жест уже был срежиссирован задолго до меня, каждое слово тоже было сказано, иногда еще до того, как я родилась. А я лишь воспроизвожу все это, подсознательно цитирую то одно кино, то другое. Я вдруг представила жизнь как своего рода кинотеатр-лабиринт, и в его бесчисленных залах одновременно идут тысячи фильмов. Ты беспорядочно бродишь из зала в зал, никогда не зная заранее, в какое кино попадешь и какой момент фильма тебе предстоит пережить. Никто не проходит в этом лабиринте одним и тем же путем, поэтому жизнь каждого человека — это как бы уникальный коллаж, он состоит из эпизодов уже поставленных фильмов. И таких эпизодов миллионы. А так как кино бывает гениальное и бездарное, яркое и тусклое, то общее полотно человеческой жизни будет зависеть от того, в какие залы его занесет судьба и какой режиссер нанесет очередной мазок на это полотно.

Э. взяла меня за руку и повела по «залам» лабиринта, который я только что соорудил из баннеров.

— Смотри, — сказала она, — сейчас мы будем делать забавные киноколлажи.

Э. начала сдвигать изображения, что находились в разных рядах и плоскостях, и персонажи фильмов сталкивались в парадоксальных художественных и психологических ситуациях. Эти соединения образовывали новый, неповторимый контекст. Героиня «Шербурских зонтиков» вдруг попала в объятия одного из персонажей «Полицейской академии». Катя Тихомирова из фильма «Москва слезам не верит» в сопровождении Леонардо ди Каприо взошла на борт «Титаника». А над смеющейся «Женщиной под дождем» внезапно занес нож убийца в белой маске из триллера «Крик».

— Да, вот еще что, — сказала Э., когда мы вдоволь позабавились этой игрой. — Кинофильм кажется непрерывным движением, но на самом деле состоит из тысяч неподвижных кадров. Так же и человеческая жизнь не является непрерывной и однородной. Она не может быть чистой драмой, или комедией, или трагедией. Когда ты бродишь по лабиринту фильмов, ты лишь на мгновение остаешься в каком-то одном жанре, а потом тут же переходишь в другой. То есть жизнь — это абсурдное смешение всех жанров, и только поэтому она кажется правдоподобной. Так же как в сегодняшнем кино адекватно можно воспринимать лишь артхаус* с его трансжанровостью и вопиющим безумием.

5

Чай давно был выпит. Подперев голову руками, Купцов задумчиво сидел на диване перед раскрытой тетрадью. Эвита, словно живая, сходила с ее страниц, вновь заполняя собой все жизненное пространство Антона. Значит, он был для нее не более чем «милым студентиком»? Ну, что ж, по крайней мере, она не издевалась над ним, как над этим несчастным мужиком, не покушалась на его мужественность и не называла «своей девочкой». Грело душу и то, что она все-таки была влюблена в него, «неопытного мальчика» — хотя слов любви никогда не произносила. Благодаря этому парню он узнает об Эвите то, чего она о себе не рассказывала. Например, Антон не подозревал, что у нее есть мастерская и что она

---

* Артхаус (англ. "art house", букв. «дом искусств») — кинопрокатная ниша, в которую попадают фильмы, не рассчитанные на широкую аудиторию, демонстрирующиеся, как правило, в специализированных (так называемых «артхаусных») кинотеатрах. К категории арт-хауса относят: фестивальное немассовое кино; жанровые картины, расширяющие представления о жанре; работы классиков мирового кинематографа; а также кино этнических или сексуальных меньшинств.

занимается не только шитьем и расписыванием зонтиков, но и пишет картины, и создает инсталляции. Судя по описанию киноколлажей, именно ей принадлежала идея оформления «палаццо» для той злополучной вечеринки.

Антон надеялся, что дневник целиком будет посвящен отношениям автора с Эвитой. Однако эти записи перемежались описаниями бытовых ситуаций, философскими рассуждениями да еще своеобразными рецензиями на фильмы. Последних было множество. Антону понравились эти обзоры: они напоминали скрупулезный искусствоведческий анализ и были так непохожи на эмоциональные впечатления от фильмов, которыми щедро делилась с ним Эвита. Автор записок «рвал» кинополотно на мельчайшие кусочки, беспощадно членил художественную реальность, чтобы потом заново ее склеить, обогатив собственным *видением* фильма. Он неотступно следовал за камерой, которая, по его словам, «видит то, что недоступно человеческому глазу». Детально исследовал цвет, что, «подобно зеркалу, отражает эмоции», и разлагал на составляющие звуковую палитру кино. В своих рецензиях автор демонстрировал некий архитектурно-инженерный склад ума, который был близок мышлению Антона, поэтому он решил подробно ознакомиться с этой частью дневника. Разве что чуть позже: сейчас его больше занимала Эвита.

Глава пятая

1

Лето, проведенное в «ратных» трудах, подходило к концу. Антон чувствовал, что перед началом учебы ему необходимо хорошенько расслабиться, поэтому последний вечер августа он решил провести в новом ресторане со странноватым названием «Объектив». Заведение открылось совсем недавно и находилось в двух шагах от жилища Купцова. Такое расположение ресторана заранее делало его в глазах Антона местом желанным и по-домашнему уютным.

Одетый в отливающий серебром вечерний костюм и броский галстук (растущие доходы стали позволять ему покупать дорогую одежду), Антон переступил порог ресторанчика. На минуту остановившись у двери, он окинул любопытным взглядом небольшое и сейчас практически пустое помещение. Интерьер его был выдержан в сугубо европейском стиле: синие стены обшиты узкими панелями светлого дерева, а столы отделены друг от друга красными диванами с высокими спинками, что обеспечивало посетителям изрядную долю приватности. Убранство ресторана показалось Купцову целиком взятым из какого-то фильма Висенте Аранды*.

Облюбовав столик на одну персону, что стоял недалеко от барной стойки, Антон поднятым вверх пальцем подозвал бармена — тот как раз проверял на свет сияющую чистоту фужеров. Бармен, чье лицо наполовину скрывала маска Кота, краем глаза уловил небрежный жест юного посетителя и спросил, что ему угодно. Купцов заказал две бутылки шампанского в ведерке со льдом.

Наслаждаясь тишиной и уютным одиночеством, от которого хотелось мурлыкать, Антон приканчивал первую бутылку, когда в ресторан вошла дама в провокационно коротком черном платье. Ее обнаженную шею украшало массивное ожерелье из гнutoго серебра. Темные волосы, уложенные со стильной небрежно-

---

* Висенте Аранда Эскерра (1926–2015) — испанский кинорежиссёр и сценарист. Обладал неповторимым стилем и считается одним из наиболее известных современных деятелей испанского кино, несмотря на полное отсутствие профессионального кинематографического образования.

стью, наводили на мысль о двух часах, проведенных в салоне красоты. На вид даме было лет тридцать, взгляд ее был немного усталым и каким-то отсутствующим.

Она уверенным шагом прошла к барной стойке и по-свойски поздоровалась с барменом. Тот приветствовал ее легким поцелуем в щеку.

— Для кого все это, Ник? — хриловатым голосом поинтересовалась дама, небрежно кивая на бутылки с напитками разной степени крепости — они стояли на краю стойки.

— Для одного посетителя, — усмехнулся бармен. — Он уже опорожнил пять бутылок и сейчас где-то проветривается.

— Не боишься, что клиент надуется, как шарик, и вылетит в окно? — с легким смешком сказала та.

— Нет, таких обычно выносят на носилках, — иронично заметил тот.

— А кто этот малыш? — тихо спросила дама, взглядом указывая на Купцова. — Одет оригинально. Интересно, что он пьет?

— «Мадам Помпадур», — сообщил бармен, поблескивая зрачками из-под маски. — Мальчик шикаует.

Заметив в глазах элегантной посетительницы интерес к себе, Антон приподнял бокал и поприветствовал ее светской улыбкой. Та «отзеркалила» молчаливый ритуал приветствия и даже намеревалась что-то сказать, но тут к ней подкрался внезапно вынырнувший из коридора мужчина с белым шрамом на скуле и чмокнул в шею.

— Боже мой, Эльдар, — едва заметно поморщившись, проговорила дама и отстранилась от него. — Не сказала бы, что рада тебя видеть.

— Привет, детка! — воскликнул он с пьяным воодушевлением. — А ты совсем не меняешься: такая же неприветливая, как всегда! И по-прежнему сногшибательно выглядишь. Обо мне, наверное, вообще не вспоминаешь?

— О тебе — нет, — ответила она. — Вспоминаю о твоём мотоцикле.

— Сука, — беззлобно воскликнул тот со смехом. Заметив, что взгляд дамы направлен в сторону юного, нелепо одетого создания, Эльдар спросил с легким презрением в голосе: — Неужели тебе нравится этот сосунок?

— Да уж побольше, чем твой мотоцикл, — сухо ответила дама.

Антон встал из-за стола и, достав из ведерка непечатую бутылку шампанского, направился к этой парочке.

— Вам чего? — неприветливо спросил Эльдар Купцова. Он сзади обнял даму, словно заявляя на нее права, и теперь выглядывал из-за ее плеча. Эльдар был на полголовы ниже дамы, и со стороны могло показаться, что он ищет у нее защиты.

— Хочу предложить вам обоим выпить со мной бокал вина, — объявил Антон, жестом велел бармену откупорить бутылку и принести чистые фужеры.

— А потом, наверное, предложите заняться любовью втроем? — иронично поинтересовалась дама.

— Если вы желаете закадрить эту сеньору, — сказал Эльдар, принимая от бармена шампанское, — то предупреждаю: она предпочитает пожилых.

— Как более опытных, — пояснила та.

— Она все время якшалась со стариками, — снова вставил слово Эльдар, — и слишком рано стала чрезвычайно хитрой сучкой.

— Эй ты, придержи язык, — с долей враждебности в голосе произнесла дама и повернулась к Антону. — А вы, юный джентльмен, не позволяйте ему меня оскорблять.

— Я просто запутался в эпитетах, — засмеялся Эльдар. — Я хотел сказать, что это *роскошная* сучка.

Потемнев лицом, Купцов поставил бокал на стойку и, подойдя к мужчине вплотную, молча вlepил ему звонкую пощечину. Тот от неожиданности поперхнулся и машинально выплеснул шампанское прямо в физиономию Антона. Третий

«сольный номер» исполнила дама: она повернулась к старому приятелю и внезапно с силой двинула ему кулаком в нос.

— Вот черт! — в ярости крикнул Эльдар, непроизвольно прижимая к носу ладонь, а когда убрал ее, пальцы оказались залитыми кровью. — А я уже и забыл, какая у тебя тяжелая рука!

Он повернулся к бармену: — Официант, быстро покажите, где тут у вас туалет, а не то я весь превращусь в драматическое алое полотно!

— Пойдемте, — сказал Ник, предупредительно беря мужчину за локоть.

— Эй, только давайте без интима! — с недовольством воскликнул Эльдар, вырывая руку из пальцев бармена. — Я сам как-нибудь доберусь.

Когда мужчины наконец ушли, дама улыбнулась своему защитнику, подняла бокал, и оба сделали по глотку шампанского. Потом, взяв Купцова за пестрый галстук, она медленно притянула его к себе. Антон приоткрыл рот в ожидании поцелуя, но дама лишь неторопливо развязала узел на галстуке, вытянула его из-под воротничка рубашки, как змею, и швырнула на пол. Словно тлеющий окуроч сигареты, она носком туфли втоптала кусочек шелковой ткани в паркет.

— Так-то лучше, — пробормотала она, удовлетворенно оглядывая результаты своего дизайнерского вмешательства, и лишь после этого коснулась губ Антона. Потом по-мужски хлопнула его по плечу и, небрежным кивком указав на дверь, сказала повелительно: — Пошли отсюда!

2

Купцов проснулся от холода. Чувствуя, что дрожит от макушки до пят, он с закрытыми глазами заставил себя приподнять руку и провел ею от груди до бедра. Антон понял, что спал абсолютно голый, не прикрывшись хотя бы простыней, хотя последние летние ночи были далеко не теплыми. В том месте, где обычно по утрам его пальцы интимно соприкасались с резинкой трусов, Купцов нащупал лист бумаги, слегка торчавший сверху. Находка озадачила Антона, но он не сразу нашел силы выяснить, что этот посторонний предмет делает у него в паху.

Несколько минут Купцов лежал неподвижно, прислушиваясь к тому, как его голова, подобно детской карусели, монотонно вращается вокруг своей оси — наверняка сказывалось выпитое накануне спиртное. Однако холод, от которого теперь уже хотелось клацать зубами, в конце концов заставил его открыть глаза. Он через силу подтянулся к валику дивана и перешел в сидячее положение. Обнаружив, что плед вместе со всей одеждой валяется на полу, Антон поднял его и торопливо накинул на свое близкое к замерзанию тело.

Теперь можно было приступить к изучению загадочного листа, что целомудренно прикрывал его чресла. Купцов взял бумагу и прочел текст, написанный крупным, размашистым почерком: *«Если юный джентльмен с шампанским пожелает сказать, как его зовут, то пусть позвонит по этому номеру...»* Далее следовали цифры, а ниже — имя: *Лилия*.

— Стало быть, сегодня ночью я поливал лилию, — ухмыльнулся Антон. — Хотя темпераментом этот цветочек больше напоминает бегонию*. Такое ощущение, что она мне всю спину в кровь изодрала когтями. Жаль, что ушла рано: я бы с удовольствием позанимался утренним садоводством, забросил семечко в увлажненную почву.

---

* Купцов намекает на имя героини испанского фильма *“La mirada del otro”* (в русском прокате — *«Объектив»*, реж. В. Аранда, 1998). Бегония В. Аранды отличается строптивым характером и неутолимым сексуальным голодом, что заставляет ее постоянно менять партнеров и бросаться на поиски все более безумных эротических приключений.

Похохатывая над собственными пикантными скабрёзностями, Купцов опустил ноги на пол и, закутавшись в плед, пошел в ванную. Он обнаружил, что ночная гостья даже не позаботилась закрыть за собой как следует дверь, оставила ее наполовину открытой. Понятно, отчего в квартире было так непривычно свежо: утренний сквозняк выдул из дома все человеческое тепло. Мысленно отчихвости любовницу за пофигизм (а что если бы хату обворовали, пока хозяин мирно спал?!), Антон в сердцах захлопнул дверь и торопливо забрался под душ — ускорить бег крови, которая, казалось, почти застыла у него в жилах.

Четверть часа спустя, разогретый горячей водой снаружи, Антон на кухне разогревал себя изнутри, отхлебывая мелкими глоточками круто заваренный чай. Он никуда не торопился (благо занятия на факультете начинались не раньше полудня) и с улыбкой вспоминал детали своего нечаянного приключения. После почти трехмесячного «поста» он славно «разговелся» с этой секс-бомбой. В постели она превратилась в настоящую сумасшедшую: кричала, материлась, царапалась и кусалась. Эвита, конечно, тоже была заводная, но она доводила Антона до апогея менее экстремальными способами. Жаль, что Лилия — уже увядающий цветок, размышлял Купцов, вертя в руках записку с телефоном, ему все-таки нравятся девушки посвежее, но встретиться с ней еще пару-тройку раз он совсем не против. Он ей позвонит сегодня же вечером, приоткроет тайну своего имени и назначит новое свидание.

3

Выходя из квартиры, Купцов внезапно застыл на месте, неприятно удивленный: прямо у его двери на площадке была рассыпана целая колода игральных карт. «Черт, только этого мне не хватало!» — вполголоса выругался Антон, невольно разглядывая узор, что был образован картинками. Не то чтобы он верил в приметы, но уж слишком нарочито сгрудилась посреди карточной россыпи зловещая чернота. В центре острием вниз лежал туз пик; крестовая дама своенравно перекрывала червонного валета, по обе стороны от него находились девятка и семерка пик; а за всем этим пристально наблюдал со стороны казенный король. Вкрапление красной мелочи по краям «композиции» лишь подчеркивало удручающее сочетание карт — оно привело бы в трепет любую гадалку. Купцова это, правда, не сильно испугало, но все же, спускаясь по лестнице, он сам себе задал вопрос: случайно ли колода появилась у его квартиры, и случайно ли именно так рассыпались карты? Не в силах дать вразумительный ответ, Антон решил не забивать голову подобной чепухой. Однако в глубине души у него остался неприятный осадок.

Не успел Купцов выйти из подъезда, как его притормозил богатырского сложения полицейский, что стоял чуть в стороне от дома.

— Молодой человек, — рокочущим баритоном окликнул он Антона, — можно вас на минутку?

— А в чем дело? — спросил Купцов, когда гигант в форме приблизился к нему и сунул под нос развернутое удостоверение. Антон похолодел: неужели он все-таки попался?! — однако ничем не выдал охватившей его паники и невозмутимо ознакомился с фамилией полицейского.

— Нам нужен понятой, — вполне добродушно пояснил тот. — Мы будем очень признательны, если вы сейчас пройдете со мной в отделение и поставите в протоколе свою подпись. Это займет буквально пять минут, не больше.

— Если пять минут, то я согласен, — ответил Купцов, с облегчением выдыхая. — Больше не смогу, в университет опаздываю.

— Нет, нет, больше не потребуется, — уверил его обрадованный полицейский. Он жестом пригласил Антона пройти в участок, что находился на противоположной стороне улицы. — Второй понятой уже сидит в кабинете. Бумаги заполнены, просто распишетесь, и все.

— А что там за криминал? — поинтересовался Антон по дороге.

— Да задержали человека, которого подозревают в серии грабежей, — охотно сообщил его собеседник. — Он ночами бил прохожих по голове железной палкой и отбирал личные вещи.

— Ничего себе, — воскликнул Купцов, снова моментально холодея изнутри. Он почувствовал, как по спине у него скатились капли ледяного пота. Вот так ситуация, пронеслось в голове у Антона, а что если они *меня* таким образом решили заманить в капкан?

— Да уж, какие только уроды через нас не проходят, — отозвался полицейский, придерживая перед Купцовым дверь отделения. — Насмотрятся, мать их, детективных сериалов да триллеров, и давай фестивалить! Фредди Крюгеры* хреновы...

В кабинете следователя Антон сразу увидел подозреваемого: он сидел в наручниках напротив зарешеченного окна. Это был хмурый тип лет тридцати трех, обладавший спортивным телосложением. На лице его лежала печать нулевого интеллекта. Сквозь злобный прищур он смотрел на следователя, который в это время услужливо пододвинул протокол второму понятому. Когда Купцову протянули ручку, он стиснул ее дрожащими пальцами и, через силу подписав несколько бумаг, поспешил покинуть кабинет. Задержанный бросил на него взгляд, в котором Антон прочел презрение и лютую ненависть. Этот парень словно знал, кто из них двоих на самом деле был преступником.

Купцов перевел дух, только когда за его спиной захлопнулась тяжелая входная дверь полицейского участка. Он несколько минут постоял на свежем воздухе, закрыв глаза и силой воли успокаивая дрожь в руках и ногах. Лишь почувствовав, что сердце перестало бешено колотиться о грудную клетку, Антон открыл глаза. Прямо напротив, в десяти метрах от него, стоял микроавтобус. Рядом с водителем, который, как показалось Купцову, пристально за ним наблюдает, сидел человек в ухмыляющейся маске и клетчатом костюме Арлекина. От неожиданности Антон снова на секунду зажмурился, а потом, обьятый ужасом, сорвался с места и стремглав помчался к близлежащим гаражам.

Купцов бежал дворами, надеясь, что жуткие персонажи не станут его преследовать, и чувствовал, как сознание его вновь наполняется отчаянием и безысходностью. Антон понимал, что попал в чрезвычайно сложную ситуацию: а вдруг костюмированный бандит решил, что, несмотря на предупреждение, он пошел-таки в полицию и написал заявление на всю их компанию? Что если теперь, обозленные, они не станут дожидаться, когда он вернет им долг, а попытаются убрать его? Страх за свою жизнь, казалось бы, давно отпустивший Антона, вновь обрушился на него всей своей тяжестью, и он бежал, не в силах остановиться, и совершенно не представлял, что ему делать дальше...

4

«Вот и не верь после этого картам и прочей ворожбе», — размышлял он, сидя в кафе неподалеку от университета. На первую пару Антон не пошел: после утренних инцидентов ему необходимо было восстановить дыхание и душевное равновесие.

---

* Фредди Крюгер — вымышленный маньяк-убийца, главный отрицательный персонаж киносерии ужасов «Кошмар на улице Вязов».

Облюбовав уютный столик у окна, он на протяжении полутора часов поглощал попеременно то чай, то кофе, постепенно приходя в себя и возвращая способность адекватно оценивать жизнь и свое место в ней. С чего он, собственно, взял, что Арлекин в машине — непременно тот самый аферист из клуба? Это вполне мог быть обычный артист-аниматор, разъезжающий по детским праздникам с увеселительными программами. Купцов решил, что нервы у него уже не выдерживают напряжения, связанного с ночными вылазками, и что пора, давно пора завязывать с этой работой, пока на самом деле не случилось чего-нибудь страшного...

Вспомнив, как когда-то его бабушка лихо гадала на кофейной гуще, Антон сейчас развлекался тем, что изучал узоры, образованные разводами на дне и стенках кофейных чашек: они в изобилии скопились на столе. Богатое воображение Купцова живо дорисовывало коричневые линии и пятна на белом фарфоре, и перед ним возникали целые картины, все больше эротического характера. Вот роскошная женская грудь — кажется, она напоминает тугие сиськи его ночной гостьи. А здесь что? — вроде как монах, стоящий на коленях: молитвенно сложив руки, он заглядывает под юбку девицы, а та отплясывает канкан у него над головой. А вот — батюшки! — вообще какой-то гермафродит: человек в клоунском колпаке, с девичьей грудью и огромным фаллосом.

«Ну чем не сеанс арт-терапии?» — усмехнулся довольный Купцов и отставил в сторону последнюю чашку. Поняв, что уже вполне оправился от пережитых стрессов, Антон расплатился за напитки и бодро пошел в университет. Он как раз успевал к началу пары английского языка.

5

Купцов неспешно вошел в аудиторию ровно за две минуты до начала занятия. Он рассчитал время так, чтобы до звонка успеть разве что поздороваться с одногруппниками, одарить всех душевнейшей улыбкой, а потом, заняв свое место с Юркой Береговым, учебой отгородиться от каких бы то ни было разговоров с ними. Общение с другими студентами его и раньше напрягало своей бессодержательностью, а уж после знакомства с Эвитой и вовсе стало тяготить. С ней каждая оброненная фраза была изысканной игрой, здесь же бездумно произносимые слова порождали лишь смысловую пустоту и безграничную скуку.

Впрочем, на этот раз сосед не дал Антону погрузиться в молчание. С сияющим лицом Юрка сообщил, что их предыдущую «англичанку» мисс Григорович уволили: дескать, она на экзамене довела какого-то первокурсника до сердечного приступа, и деканат предложил ей уйти самой, пока среди студентов не прокатилась массовая волна самоубийств.

— Какая замечательная новость! — с искренним облегчением воскликнул Купцов: этот монстр в облике усатой женщины два года отравлял ему существование. Да и не только ему: бесчеловечное обращение Григорович с людьми снискало ей славу настоящей инквизиторши, и когда студенты в начале года узнавали, что английский у них будет вести именно она, приходили в неопишуемый ужас. — Если бы она не ушла, я бы ее сам рано или поздно «замочил!» Кого же теперь на ее место поставят?

— Это уже не важно, — смеясь, махнул рукой Юрка. — Хуже по определению быть не может. Наконец-то можно вздохнуть спокойно...

Однако если Береговой издал-таки символический вздох облегчения, то Антон при виде новой наставницы от неожиданности чуть не поперхнулся. Ровно по звонку в аудиторию вошла элегантнейшая особа в деловом костюме, и в этой леди, чьи темные волосы были стянуты на затылке в тугий хвост, Купцов узнал

свою ночную гостью Лилию. Свою безбашенную любовницу, которая сначала разбила нос бывшему ухажеру, а потом черт-те что вытворяла в постели Антона. Если Купцов предполагал, что эротическая интрижка с Лилией может иметь продолжение, то он никак не мог предвидеть, что она столь быстро перерастет в ролевую игру «студент и преподаватель». Перспектива развития их отношений в данном направлении его отнюдь не прельщала.

«Англичанка» поставила на стол роскошную дизайнерскую сумку, сшитую из тысячи кусочков кожи, и, доставая из нее планшет и папки с бумагами, сказала чуть насмешливым голосом:

— Ну, здравствуйте, дети мои. Давайте знакомиться. Меня зовут Юлия Анатольевна.

При этих словах Купцов иронично приподнял брови, а преподаватель оторвала глаза от своих вещей и впервые посмотрела на сидевших перед ней студентов. В тот момент, когда их взгляды пересеклись, она на несколько секунд застыла в сильнейшем смущении, но ее замешательство увидел только Антон: он единственный понимал, чем оно было вызвано. Железная леди тут же взяла себя в руки и вполне дружелюбно обратилась к Купцову:

— Как вас зовут, юный джентльмен?

— Нарцисс, — ответил тот, нахально глядя ей прямо в глаза.

— Оригинально, — усмехнулась «англичанка». — Это имя или фамилия?

— Разумеется, имя, причем очень распространенное, — серьезным тоном заявил Антон, а потом произнес нараспев: — *Нарциссы и Лилии у нас в изобилии.*

— Купцов, кончай ерничать, — с задней парты подала голос староста, — время идет... Юлия Анатольевна, его зовут Антон Купцов.

Пока новая преподавательница (и по совместительству его нечаянная любовница) знакомилась с другими студентами, Купцов размышлял о том, почему из стильной эротической драмы его вдруг забросило в третьесортную мелодраму: теперь он живо ощущал себя персонажем сериала «Опасные связи»*, который давным-давно забылся, а сейчас внезапно всплыл из глубин памяти.

В реальность он вернулся, когда услышал, что Лилия — нет, Юлия Анатольевна — уже общается с группой на английском. Голос ее, преобразенный звуками иностранного языка, приобрел телесную глубину и окрасился какими-то гипнотическими обертонами, слушать его было исключительно приятно. К тому же, по-английски она говорила превосходно: выговаривала слова с фирменным британским акцентом, а предложения интонировала так, как это делают носители языка, причем не все, а разве что интеллектуальные персонажи-сыщики из фильмов Би-би-си. Создавалось полное впечатление, что английский — ее родной язык.

Слушая студентов, Юлия Анатольевна беззлобно посмеивалась над их тяжело-весной академической речью и в конце не без иронии сделала вывод, что ничего общего с английским языком она не имеет. Однако пообещала, что со временем «дети» поймут, что это за штука такая — иностранный язык. И даже — чем черт не шутит — сами научатся им владеть.

---

* «Опасные связи» (исп.: “Relaciones Peligrosas”, 2012) — теленовелла на испанском языке, выпускаемая американским каналом Telemundo. Одна из основных тем сериала — история запретной любви взрослой женщины и несовершеннолетнего юноши. Школьная учительница старших классов Миранда Крус влюбляется в мужественного парня Маурисио, который на пляже спасает ее от попытки изнасилования двумя подростками. После восхитительной ночи любви они расстаются — только для того, чтобы тем же утром неожиданно встретиться снова, на этот раз в учебном классе: теперь уже в роли учительницы и ученика. Оба понимают, что их любовь обречена, так как является преступной с точки зрения закона и общественной морали, однако у них не хватает сил прекратить романтические отношения.

Перед самым звонком преподаватель наскоро озадачила студентов приготовить к следующему занятию устное сообщение о проведенном лете.

— Лилия Анатольевна, да что ж такое! — с деланным возмущением воскликнул Антон. — Четвертый год подряд учебу мы начинаем с рассказа «Как я провел лето». Можно я для разнообразия расскажу о том, как провел последнюю летнюю ночь?

— Знаете что, господин оригинал, — сказала «англичанка», и в голосе ее зазвенел металл, — расскажите лучше о каком-нибудь интересном фильме. И будьте любезны, запомните мое имя: *Юлия* Анатольевна, не *Лилия*.

6

Антон догнал ее в фойе, у самого выхода из университета.

— Прикольно получилось, да? — хмыкнул он, подходя к зеркалу, где Юлия Анатольевна поправляла прическу. — Ты, конечно, не ожидала такого поворота событий?

— Господи, Антон, что за жаргонизмы? — поморщилась преподаватель, игнорируя вопрос. — «Прикольно», «ништяк». Пожалуйста, выражайся в стенах вуза человеческим языком. И, кстати, будь любезен впредь обращаться ко мне на «вы» и по имени-отчеству.

— Вчера вечером ты была другая, — цокая языком и не обращая внимания на ее просьбу, заметил Купцов.

— Вчера вечером я была Лилией, которая хотела переспать с Нарциссом. А сегодня я Юлия Анатольевна, которая вынуждена обучать Антона Купцова.

— Мне нужна женщина, с которой я мог бы предаваться разврату, — сказал Антон, выходя с преподавателем на улицу, — а не училка по английскому.

— Я делаю то, что приносит мне деньги, — холодно отпарировала она.

— Хочешь, я буду тебе платить за уроки? — не сдавался Купцов. — Только при условии, что мы будем заниматься языком в постели.

— Пошел вон и не вздумай ко мне приближаться за пределами аудитории, — спокойно сказала преподавательница и, подумав, добавила: — Свинья!

— Сама чушка, — огрызнулся Антон. — Знаешь, как ты во сне храпишь? Как будто пять поросят хрюкают.

— Очень тактичный мальчик!

— Мне чувство такта удалили при рождении, — усмехнулся Антон. — Без анестезии.

— Ох, и трудно с вами, дети, — вздохнула Юлия Анатольевна. — Неудивительно, что мне всегда нравились зрелые мужчины.

— Я до тебя тоже со старушками не яхшался, — доверительно сказал Купцов. — Так что мы можем многому друг у друга поучиться. Ладно, я тебе позвоню. Пока!

Глава шестая

1

В первое воскресенье сентября Купцов тщательно уложил в дорожную сумку цифровую технику, драгоценности — и на комфортном междугороднем автобусе отправился в соседний городок. Там он планировал передать «товар» своему напарнику Габилу, а также забрать у него выручку за предыдущую партию награбленного

добра. Удобно откинувшись в мягком кресле, Антон любовался залитой солнцем холмистой местностью: пейзаж был по-летнему зеленым и сочно-бархатистым, осень еще не успела оставить на нем шероховатую позолоту. Купцов предвкушал тот момент, когда окончательно оставит опасный, изматывающий силы ночной промысел и опять сможет беззаботно наслаждаться дневным существованием с его красками и звуками. Он только сейчас понял, что, вынужденный вести свою сомнительную деятельность в неизменной темноте и промозглости ночи, истосковался за прошедшее лето по солнечному свету и прогретому воздуху.

Прибыв в город, Антон не спеша прогулялся пешком от вокзала до рынка и остановился у скамейки, куда обычно приходил Габил. Дагестанец был человеком сверхпунктуальным и появлялся в условленном месте минута в минуту; увидев, что до назначенного времени еще четверть часа, Купцов отошел к киоску с горячей выпечкой и купил пару булок с творогом. Он сел на лавочку, откуда мог с комфортом наблюдать за местом явки, и с жадностью вонзил зубы в булку: в дороге у него сильно разыгрался аппетит.

К его досаде, за минуту до ожидаемого прихода напарника, на «конспиративную» скамейку опустился рослый парень с чемоданом в руках. Похоже, он собирался обосноваться там надолго, потому что вытащил из чемодана газету и погрузился в чтение. Купцов молча выругал его за несвоевременное появление, но решил пока оставаться на своем месте и действовать по обстоятельствам.

Время шло; дагестанец все не являлся, а парень с газетой не торопился покидать скамейку. Все это начинало нервировать Антона: в паре с Габилем он привык к быстрой и отлаженной работе, а сейчас возникли непонятные зависания и помехи. Еще больше Купцов напрягся, когда к скамейке подошел человек в темном костюме и, окликнув парня, оторвал его от чтения. Он сунул под нос сидевшему красную корочку, отчего тот беспокойно заерзал на месте и крепко сжал в руках свой плоский чемоданчик. Судя по всему, человек с удостоверением потребовал открыть «дипломат», так как парень неохотно щелкнул замками и представил его глазам содержимое чемодана. После беглого осмотра суровый человек в костюме, наверное, потребовал у парня документы, а тот лишь сокрушенно развел руками: дескать, нет с собой. Потом, подчиняясь приказу, он встал и с растерянным видом пошел по левую руку от человека. Через минуту оба скрылись за углом дома.

Купцову окончательно стало не по себе. Кто мог поручиться, что это не его искал обладатель удостоверения? Не было никакой гарантии, что Габил не сдал Антона органам правосудия — на него могли устроить засаду, оцепив весь рынок. Стараясь не совершать подозрительных телодвижений, Антон поднялся с лавочки и зашел за киоск с выпечкой: там он был надежно укрыт от посторонних глаз пышной листвой, в то время как сам мог спокойно наблюдать за округой.

Купцову нужно было молниеносно решать, что делать дальше. Габил не явился, и продолжать его ждать было не только бессмысленно, но и опасно. Разумнее всего было вернуться на вокзал и первым же рейсовым автобусом уехать домой. Антон благодарил небо, что не сообщил дагестанцу своего настоящего имени, не дал номер сотового и даже не сказал, из какого города приезжает сюда. Если по дороге Купцова кто-нибудь остановит, единственной уликой против него могла быть только сумка с чужими вещами. Значит, нужно было освободиться от молчаливых свидетелей его преступлений. Недолго думая, Купцов бросил сумку в урну, стоявшую тут же, за киоском, и уверенным шагом направился в сторону вокзала, стараясь не озираться по сторонам...

Антон расслабился лишь час спустя, когда уселся в мягкое кресло автобуса и мимо него снова начали проплывать умиротворяющие пейзажи с холмами и равнинами. Напряжение ушло, а вместо него тело наполнила огромная усталость — без-

умно захотелось спать. Перед тем, как погрузиться в сон, Купцов сквозь приятную дрему подумал о том, что сегодняшняя поездка стала идеальным заключительным актом его криминальной деятельности. Избавившись от награбленного добра, он словно поставил символическую точку в череде совершенных им преступлений. Испытывать судьбу и дальше было бы настоящим безумием.

2

Когда Купцов вернулся в город, небо заволокло тучами и начал накрапывать мелкий дождь. Антон заварил кофе с ложкой коньяка и сейчас с удовольствием отпивал его маленькими глоточками, слушая уютный шорох капель за окном. Природа подернулась грустной дымкой, а Купцов, напротив, испытывал радость и просветление. В его внутреннем микрокосме всходило солнце, оно ярко освещало душу и согревало ее лучами внезапного осознания: отныне он свободен! Не важно, что он так и не собрал до конца долг, что где-то в городе притаились бандиты, с которыми предстояла скорая встреча: все это было мелочью по сравнению с тем, что он наконец-то решился сорвать с себя опостылевшую маску ночного грабителя. Еще немного, и он бы рухнул в пропасть, откуда — вполне возможно — уже никогда не смог бы выбраться. Слава богу, что все сложилось именно так, как сложилось!..

Допив кофе, Купцов взял в руки лист с телефоном «Лилии», хотя и без «шпаргалки» уже знал номер наизусть. Улыбнувшись каким-то своим мыслям, он нажал кнопку вызова.

— Привет. Это юный джентльмен с шампанским, — представился Антон, когда услышал в трубке краткое и сухое «алло».

— Что тебе нужно, Купцов? — не слишком приветливо отозвался голос на другом конце виртуального шнура.

— Все эти дни я мысленно называл тебя «моя Джульетта», — сказал Антон, — и сейчас хочу преподнести себя в качестве Ромео. Я сделаю все, что ты пожелаешь. Приказывай мне, топчи меня!

— Покончи с собой, как Ромео, — предложила Юлия Анатольевна. — Возможно, это меня возбудит.

— Почему ты такая жестокая? — нимало не огорчившись, спросил Купцов.

— Я не жестокая, я просто следую своей природе. Мне нравятся пожилые люди. А у тебя тело такое нежное, будто ты девушка или ребенок. В постели ты вместо страсти пробудил во мне какие-то материнские чувства. Когда ты ласкал мою грудь, мне казалось, что я кормлю тебя молоком. Ты же не хочешь, чтобы я и впредь изображала оргазмы только из жалости?

— Я не верю, что ты имитировала со мной страсть, — не сдавался Антон. — Иначе не оставила бы у меня на яйцах эту записку.

— Слушай, меня бесполезно уговаривать, — жестко сказала Юлия Анатольевна. — Не забывай, что отныне я твой преподаватель. И совмещать эту роль с положением тайной любовницы не намерена.

— Именно потому, что ты мой преподаватель, я хочу показать тебе кое-что любопытное, — спокойно сказал Антон.

— Ты уверен, что это способно меня заинтересовать? — насмешливо спросила Юлия Анатольевна. — Все самое любопытное я у тебя уже видела.

— Не все, — возразил Купцов. — В твоих же интересах ознакомиться с тем, что я собираюсь тебе показать.

— Ну ладно, ты меня почти заинтриговал, — уступила та. — Я уже готова увидеть это.

— Тогда приезжай через полчаса в «Объектив» — заодно и пообедаем.

— Через полчаса не могу, мне нужно наложить маску, — сказала Юлия Анатольевна.

— Не парься, я все равно знаю, что ты старая и страшная, — отозвался Антон, — поэтому лови тачку и дуй сюда.

— Малолетняя скотина! — выразительно проговорила «англичанка» и прервала связь.

3

Когда спустя сорок минут она вошла в ресторан, Антон уже сидел за столом в своем серебристом костюме, потягивая из бокала белое вино. Первое, что бросилось ему в глаза, был яркий зонтик, с которого Юлия Анатольевна у входа стряхивала капли дождя. Зонт был расписан акриловыми красками в такой неподражаемой манере, что у Купцова не было ни малейшего сомнения в том, чьим произведением он является.

— Красивая штучка, — небрежно сказал Антон, кивая на зонт. — Купила в «Singing in the Rain»?

— Нет, — ответила та, — это моя портниха расписала.

— Вот как, у тебя есть портниха? — протянул Купцов, стараясь не выдать голосом охватившее его волнение. — Я тоже всегда хотел иметь личного модельера и носить эксклюзивные вещи — познакомишь меня с ней?

— Нет, — отрезала Юлия Анатольевна. — Чтобы быть прилично одетым, не обязательно иметь портного. Нужно самому обладать элементарным вкусом и не носить на себе всякий ужас вроде этого костюмчика.

Она протянула руку и засунула внутрь торчавший из кармана Антонова пиджака шелковый сиреневый платок.

— Оттого, что ты так вырядился, ты не стал выглядеть старше, — сухо сказала «англичанка». — А вот на придурка точно смахиваешь.

— Да ладно тебе, — пробормотал Купцов, смущенно опуская глаза. — Расскажи лучше о своей портнихе. Судя по твоему гардеробу, она очень талантлива. Как ее зовут?

— Ее зовут Ева, — ответила Юлия Анатольевна, принимая из рук Антонова бокал вина. — Она и портниха талантливая, и аферистка хоть куда.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно поинтересовался Антон, у которого при звуках этого имени почти перехватило дыхание: неужели ему удалось напасть на след Эвиты?!

— Это целая история, — сказала «англичанка», скользая взглядом по страницам меню, которое положил перед ними официант. — Долгая и нудная.

— А ты Расскажи вкратце, — настаивал Купцов, — мне жутко интересно.

— Ну, если вкратце, — пожала плечами Юлия Анатольевна, — то слушай.

История начиналась так: год назад ее познакомили с портнихой, которая только переехала в город и нуждалась в клиентуре. Люди, над чьим внешним видом Ева успела поработать, хвалили ее сверх всякой меры и называли волшебницей с иглой. Хотя Юлия не нуждалась в личном модельере, ее сумели заинтриговать необыкновенным даром девушки, и она ради любопытства пришла к ней в мастерскую. Рыжая бестия сразу произвела на нее неизгладимое впечатление и убедила в том, что ей необходимо заказать сногшибательное летнее платье. «Одень свое тело в элегантную одежду, — ворковала она, — и твоя душа улыбнется». Когда Ева набросала эскиз платья, показала ткань и аксессуары, а потом назвала за работу

какую-то смешную сумму, душа «англичанки» не просто улыбнулась, а возликовала. Разумеется, она согласилась, не раздумывая.

С этого началось их общение, которое быстро переросло в дружбу. Юлия была почти влюблена в Еву — наверное, так же, как и все ее клиенты. Если бы она была обычной портнихой, о ней, возможно, забывали бы, воспользовавшись пару раз ее услугами. Но Ева была еще и Психологом с большой буквы: она играючи проникала в души людей, равно как и в их сознание, и одному дьяволу известно, что она там творила. Юлия полагала, что Ева ее запрограммировала на постоянные заказы: хотя цена за работу каждый раз увеличивалась на тысячи рублей, остановиться она уже не могла. Юлии хотелось, чтобы Ева шила для нее все модели, которые возникали перед ее внутренним взором. Она стала бездумно вносить огромные задатки, тратя почти все деньги на эфемерные видения своей портнихи, и жила лишь предвкушением того момента, когда наденет на себя новое платье. Это было самое счастливое время в их дружбе.

В начале лета Ева предложила ей сшить осеннее коллекционное пальто из нескольких видов кожи и ткани. Юлия пришла в неописуемый восторг от ее идеи и, не задумываясь, оставила восемьдесят тысяч рублей на материал и прочее. Через несколько дней Ева позвонила с просьбой заранее оплатить работу в размере сорока тысяч, на что та тоже сразу же согласилась. Юлия привезла деньги в мастерскую, они мило поболтали и посмеялись — и это был последний раз, когда она видела Еву. На следующий день портниха перестала отзываться на звонки, а потом и вообще стала недоступна для связи. Еще ни о чем не догадываясь, Юлия приехала в мастерскую, где хозяева квартиры сообщили, что Ева на днях съехала, отказавшись продолжать с ними договор о найме жилья. Куда она исчезла, для всех оставалось полнейшей загадкой. Юлия позвонила знакомым, которые свели ее с Евой, и они, рыдая, поведали ей слово в слово ту же историю. Великая комбинаторша «развела» их на сотни тысяч рублей и сбежала в неизвестном направлении.

— Так что талант и острый взгляд для одних людей — дар, мой юный Нарцисс, а для других — проклятье, — завершила свой рассказ «англичанка».

— Вот так история, — сочувственно сказал Антон. Он умолчал о том, что тоже мог бы в красках поведать о том, как стал жертвой Евиных махинаций. Но раз Юлия Анатольевна не могла ему помочь снова увидеться с девушкой, изгнавшей его из рая, то ворошить прошлое не было никакого смысла. Поэтому он подавил приступ разочарования и сказал: — Смотри, нам несут обед...

4

Какое-то время они ели молча. «Англичанка» иронично смотрела, как Купцов с помощью ножа и вилки неуклюже отделяет кусочки мяса от куриной голени, а он все больше тушевался под ее взглядом: ресторанный этикет не был сильной стороной молодого человека.

— Это едят вот так, — наконец сказала Юлия Анатольевна: взяв курицу в руку, она с удовольствием принялась ее обглаживать. Антон вспыхнул и, чтобы скрыть смущение, поспешил освежить бокалы. — Расскажи немного о себе — какой ты?

— Я не знаю, что рассказывать, — пожал он плечами. — А ты? Какая ты?

— Я — практичная реалистка, — заявила собеседница Купцова, — жесткая эгоистка, не признающая сантиментов. Мужчин я презираю, но люблю заниматься с ними любовью. Опять же, не со всеми, а только с теми, кто намного старше меня. Наверное, так выражается моя неосознанная тяга к отцу, которого я совсем не помню: он ушел из семьи, когда мне было три года. Ушел, потому что устал

оправдываться перед матерью за постоянные измены. Семейная легенда гласит, что папа убежал к любовнице с огромными грудями и умер на ней во время безумного секса. Я полагаю, потребность во все новых партнерах мне перешла по наследству именно от него.

— А чего бы тебе больше всего хотелось в этой жизни? — спросил Антон.

— Больше всего мне бы хотелось быть коровой, а не женщиной, — насмешливо сказала Юлия Анатольевна. — Чтобы на законных основаниях вести самое примитивное существование: напиваться, заниматься любовью, жрать и ходить в туалет. Ну что, я исчерпывающе ответила на твои вопросы?

— Ага, — кивнул Купцов.

— Тогда скажи — чего ты хочешь от меня?

— Я хочу перенять твои пороки.

— Я имею в виду, зачем ты пригласил меня сюда? — пояснила «англичанка». — Ты обещал мне сюрприз.

— А, ну да, — спохватился Антон, — сейчас.

Он выудил из внутреннего кармана диктофон и поставил его на ребро между тарелками.

— Внимание, пристегните ремни, — шутливо проговорил Купцов. — Вечер обещает быть бурным!

Он нажал на кнопку воспроизведения, и после каких-то неопределенных звуков и приглушенных шумов из динамика раздался нетрезвый голос Юлии Анатольевны:

«...Эльдару всегда нравился мой язык. Он говорил, что это мое секретное оружие и что я творю им чудеса. Он сравнивал мой язык со змеей, потому что, мол, я способна присасываться им к одной точке и оставаться на ней до бесконечности. Мой язык сосал, лизал и царапал, доводил его до полного безумия. Однажды я до крови оцарапала мужское оружие Эльдара. Может быть, потому, что он был как ребенок — с грудью девушки и членом старика, и меня это раздражало. Когда я куснула его плоть, из нее брызнула кровь, похожая на клубничный сок. Эльдар увидел кровь на своих органах, размахнулся и дал мне звонкую пощечину. Я думала, он пришел в бешенство от моей выходки, но оказалось, что мой укус довел его до высшей степени наслаждения. Этим brutальным жестом он просто выразил животный восторг, который не смог бы передать никакими словами...»

Антон поставил запись на паузу. «Англичанка» окинула его мрачным и тяжелым взглядом.

— Что-то я не припоминаю, чтобы просила тебя быть моим личным психотерапевтом или летописцем, — сухо произнесла она. — Зачем ты меня записывал?

— Меня жутко возбуждало то, *что* ты говорила ночью в постели, и то, *как* ты это говорила, — сказал Антон, широко улыбаясь, — поэтому я и решил сделать запись. На память. А потом подумал, что всегда полезно иметь такой документ под рукой: вдруг ты окажешься вредным преподавателем или не захочешь со мной и дальше встречаться. Мне кажется, людям в деканате было бы очень любопытно ознакомиться с нездоровой, порочной и грязной стороной твоей личности...

— Значит, ты решил меня шантажировать, маленький кусок дерьма? — почти утвердительно произнесла Юлия Анатольевна. — Ну-ну, давай. Думаешь, ты привел меня в трепет своими манипуляциями? Глубоко ошибаешься: я и не через таких умников проходила. Затащить меня в постель тебе больше не светит — ты уже понял мои сексуальные предпочтения. А оценки я тебе намерена ставить такие, какие ты заслуживаешь. Все работы, даже устные, отныне будешь мне сдавать написанными от руки, чтобы в деканате не решили, что я к тебе предвзято отношусь. Понял, Купцов? А сейчас прощай — и не забудь приготовить к завтрашней паре обстоятельное сообщение о фильме.

Она бросила на стол тысячерублевую купюру — свою долю за обед — и, больше не удостоив спутника ни единым взглядом, покинула ресторан.

Когда Антон вошел в зрительный зал клуба «Кинотека», фильм уже начался — показывали «Хохотушку» Грегга Араки*. Остановившись в дверях, он в темноте порыскал глазами в поисках свободного места. Увидев, что в последнем ряду прямо у прохода пустует кресло, Купцов опустился в него. Рядом сидел молодой мужчина, у которого на коленях был раскрыт блокнот. Стараясь не беспокоить других, он что-то искал в карманах куртки, потом нагнулся к сумке, стоявшей на полу, и пошарил в ней. Не найдя искомого предмета, он шепотом обратился к Купцову:

— Извините, у вас не найдется ручки или карандаша?

— Да, конечно, — отозвался Антон, доставая из пиджака авторучку. — Пользуйтесь на здоровье.

Мужчина поблагодарил его и принялся что-то строчить в блокноте мелким почерком, то и дело бросая цепкие взгляды на экран, где творила свои безумства потешная наркоманка Джейн. Иногда сосед Антона отвлекался от записей и с видимым удовольствием следил за стремительным развитием событий в фильме, но потом снова начинал быстро писать, словно боялся потерять какую-то важную мысль. Иногда он отчеркивал ту или иную фразу острым ногтем мизинца правой руки — так, что на бумаге оставались глубокие ложбины-царапины. Время от времени Купцов искоса поглядывал на его действия. Один раз мужчина почувствовал взгляд Антона и, повернув к нему голову, виновато улыбнулся.

— Я вам, наверное, мешаю смотреть, — сказал он вполголоса, — отвлекаю своей писаниной.

— Нисколько, — возразил Купцов, тоже улыбнувшись. — Чувствуйте себя как дома...

После сеанса мужчина вернул Антону ручку и спросил его мнение об этой фееричной картине.

— Большой ахинеи я в своей жизни не видел, — признался Купцов, когда они выходили из клуба. — Абсолютное отсутствие смысла, но смотрится забавно. По крайней мере, мне не было скучно.

— Вы знаете, после первого просмотра у меня сложилось такое же впечатление, — с улыбкой сказал тот, — мол, это просто смешная бредятина. Однако у меня полностью изменилось мнение, когда я посмотрел «Хохотушку» три или четыре раза.

— Ого, — присвистнул Антон, — зачем так много?

---

* Фильм «Хохотушка» (оригинальное название – “Smiley Face”, 2007) — артхаусная комедия американского режиссера Г. Араки. Фильм повествует об одном дне юной бездельницы, которая, накурившись с утра гашиша, пытается так распisać свое время, чтобы у нее получились все запланированные дела: сходить на прослушивание, оплатить счета за электричество и отдать долг поставщику «травки». Но все идет наперекосяк. Счет в банке аннулирован, ее преследуют кредиторы, за ней гоняется полиция. Благодаря цепи нелепых случайностей героиня невольно становится похитительницей старинного манускрипта и с ним приезжает на фестиваль марихуаны в Венецию — курортный городок в штате Калифорния. Она садится в чертовое колесо, поднимается вверх и случайно выпускает манускрипт из рук, отчего тот по листочку разлетается по всему пляжу. Полицейские арестовывают героиню за неумышленное уничтожение исторического документа, и ее приговаривают условно к пяти годам лишения свободы, а также к тысяче пятистам часам исправительных работ.

— Дело в том, что я веду блог с обзорами концептуального кино, просто в качестве хобби, и мне нужно было написать обстоятельную рецензию на этот фильм. Написал, неплохо получилось, но тут же потерял текст без надежды на возвращение.

— Компьютер сгорел? — сочувственно спросил Купцов.

— Нет, была немножко другая ситуация, — усмехнулся мужчина, — впрочем, это не важно.

— А вы можете вкратце поделиться своими идеями по поводу фильма? — спросил Антон. — Мне прямо интересно, что там еще можно увидеть, кроме дешевого стеба.

— С удовольствием, — охотно согласился тот. — Если у вас есть время, можем прогуляться по бульвару, и я вам расскажу о своем *видении* картины. Заодно упорядочу собственные мысли... Кстати, меня зовут Сергей. Сергей Белецкий.

— Антон, — представился Купцов, протягивая руку новому знакомому. — Можно на «ты»... И так?..

— Если ты помнишь, — начал Белецкий после нескольких секунд раздумья, — фильм начинается с того, что Джейн зависает между небом и землей в кабинке чертова колеса, к которой прикреплена огромная буква Z. Девочка настолько обкурена, что даже не помнит, как туда попала. В это время с ней начинает разговаривать голос, возникающий из ниоткуда. Голос произносит текст, в котором, в принципе, заложена философия всей картины: *«Это история о том, как человек попал из точки А в точку Z. Некоторые называют это судьбой, а другие — просто жизненным путем. Но как бы это ни называли, думаю, будет интересно поразмышлять над тем, как вас туда занесло — в то место, где вы сейчас находитесь. Какая последовательность событий привела вас именно сюда, именно в эту минуту? И каково вообще ваше место в этой жизни?»* Автор изначально показывает нам Джейн в конце истории, чтобы зритель проследил ее путь «от А до Я». Мы как бы должны отыскать смысл в каждой из идиотских ситуаций, в которые она попадает. Не случайно все новые бредовые приключения отмечаются в кадре последовательно расположенными буквами латинского алфавита. Этим Араки намекает на то, что сумбурные события, из которых складывается существование Джейн, на самом деле строго упорядочены и отмечены вехами. Наверное, автор призывает нас задуматься над тем, что и наша собственная жизнь — не такая уж хаотичная штука, и все происходящее с нами вовсе не случайно. Мы проходим через заданные Автором «буквы» — жизненные ситуации (иногда еще более абсурдные, чем в этом фильме) и закономерно приходим к финалу Игры, где и раскрывается замысел всего происходящего... Вот такие мысли мне пришли в голову.

— Обалдеть! — с искренним восхищением воскликнул Антон. — Я бы в жизни не додумался сделать такой расклад. Это какой же наблюдательностью надо обладать, чтобы проследить от начала до конца подобный замысел!..

— А, пустяки, это всего лишь дело практики, — махнул рукой Белецкий, но было видно, что слова Купцова ему польстили. — Знаешь, приходи в следующее воскресенье в «Кинотеку». Попытаемся вместе разобрать фильм на составляющие. Если, конечно, тебе это интересно.

— Еще бы, — сказал Антон. — Обязательно приду. Спасибо — и до встречи!..

Купцов шагал по улице с зудящим ощущением того, что ему необходимо заново просмотреть дневник ограбленного им человека: нужно было срочно уточнить одну

любопытную деталь. Придя домой, он первым делом открыл тетрадь и быстро перелистал страницы — ага, вот то, что он искал! На одной из страниц предложение было выделено довольно оригинальным способом: вместо того, чтобы подчеркнуть его ручкой или пометить цветным маркером, автор записок попросту процарапал в этом месте бумагу — возможно, острым краем металлической линейки, но может статься, что и собственным ногтем, как это делал сегодня новый знакомый Антона! Весьма характерная деталь, с невольным волнением подумал он.

Отметив, что подобные «метки» встречались в дневниковых записях достаточно часто, Купцов стал целенаправленно выискивать в текстах обзоры кинокартин, которые раньше игнорировал, поглощенный историей отношений автора с Эвитой. В надежде отыскать интересующую его рецензию, он перелистывал страницу за страницей и внимательно читал названия фильмов, однако нужный текст на глаза не попадался. В голове Антона уже было промелькнула мысль о том, что такого обзора в тетради попросту нет, как вдруг буквально за несколько страниц до того места, где дневник обрывался, он увидел запись «*Хохотушка*» — она датировалась двадцать девятым июля сего года.

Это было второе совпадение: Антон припомнил слова Белецкого о том, что сразу же после написания рецензии на этот фильм он «*потерял текст без надежды на возвращение*». Он тогда сослался на некую ситуацию, описывать которую не стал. Возможно, Сергею просто было *стыдно* рассказывать о том, при каких обстоятельствах он утратил ценную рукопись? Неловко упоминать о том, что его, крепкого мужика с накачанными бицепсами, ударили по голове палкой и лишили сумки с вещами? Интересно, что произошло это буквально через три дня после того, как был написан обзор.

Душу Купцова переполняло волнение, а сознание терзал вопрос: что это, случайное совпадение событий из жизни разных людей, или же судьба дает Антону реальный шанс разыскать Эвиту, посылая ему в качестве «проводника» человека, который стал невольной жертвой его злодеяния? Так как ответить на данные вопросы Купцов был не в состоянии, он решил пока что не мучить себя домыслами, а воспользоваться интеллектуальным трудом автора дневника (предположительно своего нового знакомого) и на основе его рецензии приготовить к завтрашнему занятию сообщение о просмотренном фильме. В конце концов, действовать в любой ситуации практично и с пользой для себя было сильной стороной характера Антона Кузнецова.

Антон по природе не был ни выдающимся, ни даже просто одаренным лингвистом. Эстетическая сторона языка его не волновала. Ему было скучно постигать красоту звучащей речи, мелодику и интонацию фразы, поэтому и произношение у него было весьма условным. Научное исследование тонких связей между словами, их происхождение, развитие языка — все это угнетало Купцова своей абстрактностью и оторванностью от жизни. Ему была нужна конкретика, а не метафизика. Антон всегда осознавал, что иностранным языком он должен зарабатывать реальные деньги, поэтому с самого начала усердно занимался письменными переводами. Понятно, что переводил он не художественную литературу, предполагавшую виртуозное владение стилем и дар к свободной интерпретации мысли, а сугубо технические тексты. Разумеется, за приличные деньги. Заказчик мог полностью положиться на Антона: он все делал скрупулезно и максимально точно, поэтому придираться к его работе было практически невозможно. Вот и сейчас, прочитав в

дневнике разбор фильма «Хохотушка», Купцов взял чистый лист бумаги и начал дословно излагать его содержание на английском языке. Несомненно, автор русского текста был бы крайне доволен приближенностью его перевода к оригиналу.

***

Американская комедия 2007 года «Хохотушка», поставленная скандальным режиссером неформатного кино Греггом Араки, — это история, иронически осмысляющая такие понятия, как «судьба» и «жизненный путь», и призывающая задуматься над тем, как повседневные действия современного человека порой приводят его к самым неожиданным последствиям.

Несмотря на то что замысел картины достаточно глубокий и серьезный, воплощается он в самом бредовом повествовании, какое только можно себе вообразить. Главная героиня фильма Джейн беспечно съедает несколько кексов, начиненных марихуаной, и мир вокруг нее до неузнаваемости преобразается: он наполняется галлюцинациями, которые кажутся реальностью, а реальность надевает маску галлюцинации. Гротескные события фильма происходят на фоне жуткой какофонии звуков, без которых невозможно представить современную жизнь: звонок мобильного, вой пожарной сирены, мотивчик компьютерной игры, визг автомобиля, звук сверла в кабинете дантиста. Все это звучит одновременно, подчас вызывая у зрителя чувство потерянности и замешательства, которое усиливается визуальным рядом: кадр переполняют «кислотные» цвета и множественные объекты компьютерной символики — смайлики, курсоры, тексты на мониторе.

Однако за этим светопреставлением привычных звуков, красок и артефактов четко прослеживается режиссерская мысль: от переизбытка информации люди в современном обществе постоянно пребывают в шоковом состоянии, в некоем ступоре сознания. Подобно «обдолбанной» героине фильма, люди поступают, как зомби, не понимая, зачем они выполняют то или иное роботизированное действие. («Я даже не знаю, над чем смеюсь», — говорит Джейн.) А оказавшись в незнакомом месте или странной ситуации, человек не может логически объяснить, что его туда привело. Так же и Джейн не помнит, как ее угораздило попасть на чертово колесо.

Мы же понимаем, что привел ее туда Божий промысел: колесо обозрения в контексте фильма весьма прозрачно прочитывается как Колесо Судьбы. Символизм этого образа подкрепляется и тем, что именно там героиню настигает правосудие. Даже в эпицентре адской галлюциногенной реальности, уверяет нас Араки, человек способен прийти в себя, вспомнить о своем настоящем пути, так как Вселенная не перестает посылать нам знаки своего незримого присутствия и поддержки. Не случайно посреди безумия той действительности, в которой пребывает Джейн, периодически раздается голос невидимого мудреца. Голос, который не позволяет ей окончательно потеряться в жизни. Не важно, что нелепый финальный поступок героини — уничтожение бесценного манускрипта — оборачивается для нее условным сроком и реальной отработкой повинности. Главное, что он был продиктован некоей высшей силой: может, ее собственной интуицией, а может, Богом. И не менее важно, что этот акт привел Джейн к духовному пробуждению. Именно такой вывод приходит в голову, когда мы видим ее на обочине грязной дороги, одетую в оранжевый костюм арестантки (явная параллель с оранжевой одеждой просветленных буддийских монахов). Она просыпается от окрика надсмотрщика и говорит: «Какой невероятно странный сон».

В отличие от большинства депрессивных картин Араки, «Хохотушке» присущ искрометный юмор, оптимизм и спокойная философия человека, беспредельно влюбленного в земное существование. Фильм заканчивается великолепной жизнеутверждающей фразой: «Как и вся наша жизнь в целом, это была чертовски увлекательная прогулка».

Глава седьмая

1

Юлия Анатольевна стояла перед аудиторией, выслушивала скучнейшие сообщения о том, как ее студенты провели лето, и по ходу делала какие-то быстрые заметки на доске. Когда иссякал очередной безнадежно унылый рассказ, она принималась его комментировать, показывая, как можно улучшить язык, сделать речь более разговорной и насыщенной. «Англичанка» безжалостно заменяла чопорные слова из британской классической литературы непринужденными американизмами и предлагала смело пользоваться хулиганским сленгом, поясняя, конечно же, в каких ситуациях его *не* стоит употреблять. Казалось, она отчаянно импровизирует, не утруждая себя никакими методическими приемами, и делает то, что первое приходит ей в голову. Однако наблюдательный студент мог заметить, что теперь в ее речи начинала тут и там проскальзывать предложенная ею новенькая вкусная фраза, и ее уже хотелось употребить самому, потому что она была удивительно свежей и сочной, совсем непохожей на протухшие клише из учебника господина Аракина. К концу занятия таких выражений на доске накопилось всего-то шесть или семь штук, но за ними вдруг начал прорисовываться альтернативный английский язык — язык сегодняшнего дня, живой и по-настоящему занимательный. От него исходила веселая, озорная энергия. Таким языком хотелось наслаждаться.

Не отрывая глаз, Антон следил за «моноспектаклем» Юлии Анатольевны, которая сегодня была одета в нехарактерном для нее «небрежном» стиле: на ней были джинсы с обильной потертостью, легкая толстовка с капюшоном и молодежные кеды ярко-зеленого цвета. Даже сумка у нее была под стать — из грубой ткани, с замшевыми аппликациями и индейской бахромой по швам. «Сегодня я собираюсь кататься верхом», — шутливо пояснила она студентам выбор столь неформального наряда.

Купцов поражался тому, насколько разными были Юлия Анатольевна и «Лилия» — эти две половинки одной личности. В «дневной» ипостаси этой женщины напрочь отсутствовала едкая ирония, тяжелый оценивающий взгляд и мощный сексуальный магнетизм, характерные для ее «ночной» сущности. «Англичанка» казалась намного моложе «Лилии», невесомей и гораздо счастливее. Да, да, подумал Антон: упиваясь английским языком и всем тем, что она делает на занятиях, Юлия Анатольевна производила впечатление абсолютно счастливой особы. В то время как «Лилия», разьедаемая собственным сарказмом и вечной неудовлетворенностью, была глубоко несчастна в душе...

Он вышел из трансa, лишь когда преподаватель обратилась к нему.

— Ну что, Антон, ты один остался со своим кинообзором, — сказала она, поглядывая на часы. — О каком фильме расскажешь?

— “Smiley Face”, — отозвался Купцов. Он положил перед собой лист с переводом и приготовился читать. Говорить по-английски спонтанно он не любил и предпочитал озвучивать заранее отрепетированный текст.

— Боже мой, — с едва различимой насмешкой сказала Юлия Анатольевна, принимаясь потихоньку убирать вещи со стола в сумку, — ну и вкусы у тебя! Ладно, постарайся не растягивать удовольствие. Времени остается в обрез.

Сначала она слушала вполуха, занятая очисткой рабочего места. Несовершенное произношение Купцова порой заставляло ее морщиться: до нее не доходил смысл слов. Однако, по мере того как развертывалась идея текста, выражение лица у «англичанки» становилось все более заинтересованным. Кажется, она забыла о том, что время, отведенное на пару, уже истекло и давно прозвенел звонок на перемену. Юлия Анатольевна неподвижно сидела, подперев кулаком подбородок, и не спускала со студента глаз. Когда же Антон, наконец, закончил читать, она с одобрением покивала головой и театрально поаплодировала его выступлению.

— Вот это да, — удивленно проговорила она. — Честное слово, не ожидала услышать от студента такой нетривиальный разбор — бесспорно, ты большой молодец, Антон. Я, например, в жизни не смогла бы так выстроить сообщение — гладко, логично, аргументированно. У меня совсем иной стиль мышления. Я бы прыгала с пятого на десятое, измельчала идеи в поисках ассоциаций, которые иногда совершенно не относятся к делу. В результате получилась бы дикая пестрота. У тебя же все выпукло, четко и совсем без воды. Класс!

— Спасибо, — сдержанно поблагодарил Антон. — Но, я думаю, в художественной пестроте тоже есть своя прелесть.

— Безусловно, это так, — согласилась «англичанка». — Однако сейчас я хотела бы сказать о другом. Попытаюсь не согласиться с тобой в общей оценке «Хохотушки». Вот ты говоришь, что это философская картина, вскрывающая глобальные проблемы человеческой жизни. А на мой взгляд, это просто глупый и скучный фильм с претензией на оригинальность и глубину. Конечно, я могу чего-то не понимать, но, кажется, это верх нехудожественности и безвкусицы. Я бы назвала это антиискусством.

— Ну, у каждого свое восприятие искусства, — философски заметил Купцов. — Кому-то нравятся чистые жанры, а для некоторых нет ничего милей постмодернистского винегрета. Потом, Юлия Анатольевна, мы ведь с вами люди разных поколений. Я, как более молодой человек, предпочитаю артхаус, жесть и интеллектуальную бредятину, а вам, наверное, ближе что-нибудь более ясное и определенное.

— Возможно, и так, но давайте мы об этом поговорим в другой раз, а то уже вовсю идет перемена, — уходя от темы, быстро сказала преподаватель и жестом отпустила студентов на волю. Купцов увидел тень недовольства, на мгновение омрачившего лицо Юлии Анатольевны, и понял, что задел ее упоминанием о разнице в возрасте. Впрочем, она тут же овладела своими эмоциями и потребовала, чтобы Антон отдал ей лист с переводом. Купцов с удивлением посмотрел на преподавателя, но тут же вспомнил их разговор в ресторане и, ухмыляясь, протянул текст.

— Я думал, ты тогда прикололась, — сказал он, глядя, как Юлия Анатольевна складывает лист вдвое и кладет его к себе в сумку. — Знаешь, я уничтожил запись. Я ведь на самом деле не собирался тебя шантажировать, просто пошутил.

— А я не пошутила, — сухо сказала «англичанка». — К тому же, у тебя такое жуткое произношение, что, боюсь, без письменной опоры я тебя просто не пойму. Поэтому будешь мне и впредь писать работы от руки...

— Ты простишь меня за то, что я тебе вчера наговорил? — примирительным тоном спросил Антон, выходя вместе с ней в коридор. — Ну, прости, пожалуйста.

— Женщине нельзя такое говорить, — не повышая температурный режим голоса, проговорила Юлия Анатольевна. — Впрочем, ты еще так юн и глуп, что обижаться на тебя нет никакого смысла.

Преподаватель закрыла дверь аудитории на ключ, и они пошли по длинному коридору к выходу из здания.

— Не желаешь со мной вечером встретиться где-нибудь? — как ни в чем не бывало предложил Антон.

— Господи, Купцов, ну что ты от меня хочешь, в конце-то концов? — с раздражением спросила Юлия Анатольевна.

— Все хочу, — с подкупающей простотой ответил тот. — Засыпать и просыпаться с тобой, есть и пить, ходить в туалет, заниматься любовью, а в идеале хочу на тебе жениться.

— Женитьба — это ответственный шаг, — усмехнувшись, сказала «англичанка». — Думаешь, ты будешь в состоянии удовлетворять мои запросы?

— Абсолютно все, — твердо пообещал Антон. — Будешь жить со мной, как в раю.

— Стесняюсь спросить — это как? Голая, босая и одни яблоки жрать?

— Да ну тебя, — засмеялся Купцов, — я же серьезно говорю.

— Твоя серьезность подкупает, — иронично улыбнулась Юлия Анатольевна. — Только замужество точно не входит в мои планы на ближайшие пять лет... Ну ладно, дальше я, пожалуй, пойду одна.

— Так что, вечером не встретимся? — разочарованно спросил Антон.

— Нет, я же сказала, у меня сегодня верховая езда, — ответила Юлия Анатольевна, когда они вышли из дверей университета. — А вон и мой верный конь копытом бьет.

«Англичанка» указала рукой на противоположную сторону улицы, где у обочины рядом с роскошным мотоциклом «Харлей Дэвидсон» стоял Эльдар — мужик из ресторана, которому она совсем недавно разбила нос. Пока Юлия Анатольевна переходила дорогу, Эльдар пристально следил за Купцовым своими глазами-объективами. Антону показалось, что его взгляд полон ревности и недоброжелательства, и он издали одарил соперника с мотоциклом насмешливой улыбкой.

2

15 июня 2014 года

Когда я пришел в мастерскую, Э. расхаживала по лабиринту своих киноколлажей, внося какие-то изменения. Время от времени она просила поддержать или переместить одну из полос с изображениями, но было заметно, что делает она это скорее из вежливости, просто чтобы чем-нибудь меня занять. Однако это реально отвлекало от трудовых будней. Иногда после рабочего дня мне хочется одного: попить и повеситься.

— А зачем ты вообще выбрал эту профессию, если так ее ненавидишь? — спросила Э., выглядывая из соседнего «зала» лабиринта.

— Зачем? Сам не знаю, — ответил я, пожимая плечами. — Я был молод и глуп. Наивно верил фильмам, в которых добро побеждает зло и всегда торжествует справедливость. А сейчас не верю. Да и понял, что есть вещи более серьезные и интересные, чем игра «Кто кого?».

— Какие, например? Чем бы ты хотел серьезно заняться?

— Ну, например, написать книгу. Уже начал, между прочим.

— Ух, ты, — восхитилась Э., отодвигая изображение с кадром из фильма «Семейный очаг»* и высовывая оттуда лукавое лицо. — Как называется?

— Пока не знаю, — ответил я. — Не придумал название.

— А в твоей книге будет описание барабанов или труб?

— Нет, — усмехнулся я. — Разве что описание трупов. А что?

— Ну, тогда так и назови ее: «Ни труб, ни барабанов», — посоветовала Э.

— Хорошо, я рассмотрю твоё предложение, — улыбнулся я. — Хочешь, расскажу вкратце начало? Слушай. Один псих облился керосином и поджег себя на собственном дачном участке. Предварительно он оставил записку, в которой предупредил, что никого в его смерти винить не нужно. По странной случайности, соседней рядом не оказалось. Лишь через двое суток одна старушка приехала на дачу и увидела столб дыма в его огороде. Самоубийца был таким жирным, что, когда приехала полиция, он все еще продолжал гореть, как исполинская свеча из гусиного сала.

— Ням-ням, вкусный плагиат, — сказала Э. — Текст из фильма «Белая птица в метели», режиссер Грегг Араки, год выпуска две тысячи четырнадцатый. Кино — нудятина и полный отстой.

— Но ведь и этот фильм Араки, в свою очередь, стопроцентный плагиат на шедевр Спилберга «Красота по-американски», — не без мстительности парировал я (дескать, не ты одна такая насмотренная). — Так и живем среди сплошного плагиата и заимствований. Одна скрытая цитата отражается в другой, как в зеркале, и имя этим бесчисленным отражениям — Вселенная.

— Или, иначе, постмодернистская интертекстуальность. Научно обоснованная теория для безнаказанного присвоения себе чужого умственного труда. — Э. вышла из лабиринта и утомленно потерла лоб. — Ладно, хватит уже заниматься интеллектуальным онанизмом. Пойдем-ка в будуар. Кое-кто обещал мне сделать массаж.

Мы прошли в «будуар», то есть нишу с матрасом. На нем было разложено женское белье: трусики и лифчик из красного шелка и черные чулки в крупную сетку. Пока я раздевался и натягивал на себя этот эротический наряд, Э. принесла початую бутылку мартини и посыпанные сахаром дольки лимона на серебряном блюде. Она сбросила с себя топ на тонких лямках и легла на спину. Я взял два кусочка лимона и по очереди выжал из них сок на ее груди. Потом нежно втер его в восхитительную кожу Э. Переместившись вниз, я выжал лимонный сок на пятки Э. и начал с наслаждением их вылизывать. Пока я самозабвенно предавался этому занятию, Э. рассказывала одну из бесчисленных историй своей жизни:

— Однажды школьницей я нашла маленькую лягушку. Я решила изучить ее и разрешила так, чтобы были видны внутренности. Там находились кишки, потроха — обычные вещи. Но, когда я случайно нажала на одну слизистую мембрану, мне прямо в лицо брызнула мутная зеленоватая жидкость. По цвету она напоминала гниющий плод авокадо. Я подошла к зеркалу и посмотрелась в него. То, что я увидела, так мне понравилось, что я решила тут же нарисовать автопортрет с лягушкой. Я положила ее, еще живую, себе на макушку, и стала создавать свою первую в жизни картину. Получилось, может быть, не очень похоже, но уже тогда я поняла, что изобразительное искусство — мое настоящее призвание...

Когда мы оба отдыхали — я от «массажа», Э. от полученного кайфа, — она попросила меня об одном одолжении: занять ей на несколько недель сто пятьдесят

* Один из серии фильмов французского режиссера Франсуа Трюффо, снятых по автобиографическому роману писателя Антуана Дуанеля «Любовные неразберихи» (в оригинале — “Les salades de l’amour”).

тысяч рублей. Поведала, что хочет войти в долю с организаторами вечеринки в клубе и получить неплохой процент от прибыли. Немного поколебавшись (деньги все-таки немалые), я согласился. Мы оделись и пошли в банк. Когда я протянул купюры Э., она радостно улыбнулась и с чувством поцеловала меня. Э. сказала, что пару недель мы, скорее всего, не будем встречаться, потому что она будет чертовски занята подготовкой к вечеринке. Но торжественно пообещала мне время от времени звонить и интересоваться, как продвигается моя книга и не бросил ли я еще свою работу. На этом, собственно, мы и расстались.

1 августа 2014 года

За эти полтора месяца я понял только одно: понятия «время от времени» попросту не существует. Я ждал ее звонка ежедневно и еженощно, на протяжении полутора месяцев. Любая шлюха ведь рассчитывает, что ее клиент окажется джентльменом. Э. джентльменом не оказалась. Время от времени я сам пытался звонить ей, но ответом всегда было лишь вежливое сообщение оператора о том, что, к сожалению, абонент находится в таинственной зоне, недоступной для связи, и, главное, очень надеется на понимание звонящего. Я понимал, я все понимал, но все же мир начал распадаться на куски. И даже спиртное не могло помочь.

Вчера я не выдержал и без предупреждения заявился к Э. в мастерскую. Мне открыла седовласая женщина и сообщила, что квартирантка уже месяц как съехала. Она сказала, что девушка впопыхах оставила странную куклу, очень похожую на нее саму. Старушка убедительно попросила забрать ее, так как кукла, мол, пугает ее в темноте. Она вынесла манекен и вручила его мне.

Я принес пластиковую Э. домой. Одел ее в кружевное белье, которое купил для себя, и усадил в кресле напротив. Открыл абсент, столь любимый ею, поцеловал в губы и выпил за нас с ней. Потом еще и еще — бокал за бокалом. Полынная горечь напитка на время захлестнула и сделала неразличимой мою собственную внутреннюю горечь, которая стала неотъемлемым атрибутом моего существования. Э. всегда говорила, что облегчение от алкоголя — это только иллюзия, что наутро станет лишь хуже. Да я это и так знаю, но лучше уж утренние терзания от похмельного раскаяния, чем трезвая бессмысленность и пустота моей одинокой жизни.

Пока мое тело и сознание окончательно не скрылись под алкоголем, я приступил к расправе над Э., столь эгоистично изнававшей меня из рая. Для начала я посадил Э. в ванну с холодной водой и поджег ее роскошные рыжие волосы. Когда под действием высокой температуры черты ее лица начали оплывать, превращаясь в страшную маску, я залил огонь водой и вытащил тело из ванны. Я бросил его на пол в прихожей, взял топорик для мяса и изрубил на мелкие куски. Потом сгреб останки в большой пластиковый мешок и, едва держась на ногах, отнес на помойку. Подобно Венере, рожденной из морской пены, Э. явилась мне из рассказа о мусорном контейнере, так пусть теперь вонючий помойный бак станет ее последним пристанищем.

Едва я добрал обратно до квартиры, как тут же обильно проблевался. Меня тошнило абсентом, прогорклым столовским беляшом, товарищами по работе, кусочками овощного салата, концептуальными фильмами, апельсиновым соком, девушкой с рыжими волосами, несвежим пломбиром, невыплаченными премиальными, невысказанными обидами, необратимостью прошлого, неопределенностью будущего — всей моей жизнью.

Я не люблю, когда меня рвет, потому что у меня начинают ручьями литься слезы, и людям кажется, что я плачу. А я не плачу — наверное, это просто какой-нибудь защитный рефлекс организма. Очередная уловка или насмешка природы.

Запись от первого августа была последней в тетради. На следующий день Антон ограбил этого человека, которого жизнь размазала соплей по пространству и времени. Теперь Купцов даже не ощущал в нем соперника: уж слишком жалок тот был в своем бессилии перед сложившимися обстоятельствами. Скорее, Антон ему сочувствовал: все-таки этот парень был его товарищем по любовным неудачам. Им обоим (да и многим другим, судя по рассказам «Лилии») сильно досталось от Эвиты — таинственной и неуловимой. Она их даже на деньги «развела» практически одинаково. И что самое удивительное, им было на это практически наплевать: оба сошли бы с ума от счастья, если бы в один день она неожиданно вернулась и снова заполнила собой их жизнь. Только, черт возьми, Эвита вовсе не собиралась ни к кому из них возвращаться. Она исчезла навсегда, оставив позади себя яркий шлейф из зонтиков и экзотических историй — шлейф, который снова и снова порождал надежду на встречу с ней, но тут же безжалостно эту надежду убивал.

Антон рассеянно перелистывал страницы тетради и пытался сопоставить образ автора дневника (каким он его запомнил в ту ночь) с внешним видом Сергея Белецкого — своего нечаянного знакомого из «Кинотеки». Оба были чуть выше среднего роста, коренастые, с рельефными мускулами. Оба приблизительно одинаково одеты: облегающие штаны и джинсовая куртка, подчеркивающая спортивную фигуру. Правда, ночной прохожий был гладко выбрит (насколько Антон мог разглядеть), а у Белецкого на лице была легкая щетина, но это как раз ни о чем не говорило. Или, напротив, намекало на то, что Сергею *было* что скрывать под растительностью: например, шрам, оставшийся после того, как Купцов с силой ударил его по лицу железным ломом. Безымянный автор записок говорил о себе как о внешне брутальном мужчине, который, тем не менее, обладал внутренней утонченностью и почти женской податливостью. Белецкий тоже выглядел мужественным, и один лишь бог знает, что таилось у него в душе, какие слабости и порочные склонности скрывались за его брутальной наруганностью.

Антон спрашивал себя, имело ли все это значение теперь, когда он узнал, что Сергей так же навеки потерял Эвиту, как и он сам. Наверное, нет, но ему все равно хотелось поближе познакомиться с Белецким и душевно с ним пообщаться. Возможно, для того, чтобы утешить, как сильный человек утешает более слабого. Но, скорее всего, он просто жаждал интеллектуального общения с интересной личностью и живого обсуждения фильмов, которого ему так не хватало после исчезновения Эвиты. Тем более что благодаря рецензиям Сергея Купцов начал смотреть кино совсем другими глазами: стал видеть таинственное устройство его «организма» и лучше понимать внутреннюю жизнь, безнадежно ускользавшую от глаз и сознания непосвященных людей.

Подходя к «Кинотеке», Антон еще издали увидел Белецкого: тот стоял у входа в клуб и курил. Заметив Купцова, Сергей широко улыбнулся и, щелчком отправив окурок в урну, протянул ему ладонь — рукопожатие его было крепким и сердечным.

— Вот, лечу нервы, ожидая тебя, — доверительно, как старому другу, сообщил Сергей. Купцов молча отметил задушевность по отношению к своей персоне.

— А что, успели основательно попортить? — шутивно спросил он.

— Не то слово, — усмехнулся Белецкий. — С моей работой это совсем неудивительно. Я работаю психологом в колонии для несовершеннолетних, и иногда, не поверишь, готов собственноручно перестрелять малолетних бандитов!

— Могу себе представить! — посочувствовал Антон. Он тут же вспомнил, как автор дневника сетовал на свою профессию и как страстно порывался оставить опостылевшую деятельность. — Так что мы сегодня смотрим?

— «Мечтателей»* Бертолуччи, — сказал Белецкий, предупредительно открывая перед Антоном дверь клуба и пропуская его вперед. — Видел?

— Нет, не доверилось, — ответил Купцов.

— Ну, тогда я тебе завидую, — проянул Сергей с какой-то мечтательной интонацией. — Сегодня ты откроешь для себя новый шедевр мирового кинематографа. Предвкушай удовольствие и постарайся не пропустить ни кадра. Сам-то я изучил эту картину вдоль и поперек, но всякий раз она меня доводит до эстетического оргазма!

— Неплохая реклама, — усмехнулся Антон. — Вы умеете заинтриговать.

— Разве мы еще не перешли на «ты»? — шутливо спросил Белецкий. — Люди, прошедшие посвящение в «Кинотеке», на всю жизнь становятся друзьями.

— Без проблем, давай на «ты», — согласился Купцов, оставив без ремарки последнее пафосное замечание Сергея: любое явление, претендующее на вечность — будь то пожизненная дружба, любовь или пожизненный срок — вызывало у него чувство экзистенциального ужаса. Антон не умел оперировать категориями типа «Вечность» или «Бесконечность» и предпочитал строить свое мышление в рамках таких уютных понятий, как «сегодня», «завтра», «в течение месяца».

— Знаешь, я безумно рад, что познакомился с таким классным парнягой, как ты, — вполголоса сказал Белецкий, когда они заняли свои места — по-прежнему в последнем ряду у прохода. — На этой неделе я часто вспоминал о тебе. Бывало, проведу беседу с юным преступником, а потом мысленно с тобой пообщаюсь. Не поверишь, даже моя ненавистная работа после этого становилась вполне терпимой.

— Да брось ты, — смутился Антон. Он не привык к пылкой мужской дружбе, поэтому сейчас, выслушивая столь интимные признания от малознакомого парня, чувствовал себя не в своей тарелке. — Я же тогда практически ничего не сказал.

— Это совсем не важно! — воскликнул Сергей. — Главное, как ты смотрел и слушал. Я видел, что ты понимаешь сляк с полуслова и откликаешься на каждую идею. А другим мои мысли кажутся слишком сложными и скучными, я давно перестал делиться с кем-либо своими соображениями по поводу современного кино. Так что ты для меня — просто находка! Я пожалел, что мы в прошлый раз не обменялись телефонами, иначе давно бы уже позвонил и пригласил тебя куда-нибудь.

— Ну, у тебя есть возможность сделать это сегодня, — усмехнулся Купцов. — Можем после кино зайти в кафе. И я снова с удовольствием тебя послушаю...

---

* «Мечтатели» (англ.: “The Dreamers”, 2003; Франция, Великобритания, Италия) — камерная эротическая драма реж. Бернардо Бертолуччи по сценарию Г. Адэра, созданному на основе его одноименного романа (в свою очередь, вдохновленного романом Ж. Кокто «Ужасные дети»). В центре сюжета — наполненная кинематографическими аллюзиями история сексуальной революции в отдельно взятой парижской квартире. Действие происходит на фоне студенческих волнений 1968 года. Юный американец Мэттью приезжает в Париж по программе студенческого обмена, чтобы улучшить свое знание французского. Большую часть свободного времени он проводит в «Синематеке», в компании других помешанных на кино подростков, наслаждаясь просмотром современных лент и киноклассики. Там он встречает своих ровесников, Изабель и Тео, которые утверждают, что при рождении были сросшимися близнецами. Новые знакомые приглашают Мэттью переехать в их квартиру на время отсутствия родителей. Постепенно ему становится ясно, что близость двойняшек балансирует на грани incesta. Оторванные от мира студенческих волнений, все трое беззаветно отдаются сексуальным и психологическим экспериментам.

Они сидели в кафе «Иллюзион». По иронии судьбы, оно находилось рядом с тем местом, где новые друзья уже сталкивались при иных обстоятельствах. На том же судьбоносном перекрестке бульвара и тихой, безлюдной улицы, где один из них лежал в пыли, прикрывая руками лицо, а другой во мраке ночи наносил удары увесистым куском железа. Сейчас все было иначе: за окном едва начинали стучаться дружелюбные сумерки; свечи на столах отбрасывали тени на старые киноафиши, развешанные по стенам, — все здесь радовало глаз, даже цены в меню. Поэтому за столиком, где сидели Антон и Сергей, царила атмосфера приязни и взаимопонимания, возможная лишь в компании истинных друзей.

К столу подошла молодая официантка, чтобы принять заказ. Антон обратил внимание, что на руке у нее красовалась наколка с драконом.

— Кажется, у девушек сейчас повальное увлечение драконьими тату, — шутливо заметил Купцов, когда они заказали светлого пива, а официантка удалилась за барную стойку. — Я на днях зажигал с девчонкой, которая тоже сделала себе наколку в виде дракона. Серега, ты не поверишь, в каком месте. Морда высовывается как раз у нее над ягодицами, а остальная туша спрятана сам понимаешь где. Чтобы разглядеть дракошу целиком, нужно совершить ряд развратных действий.

— Да уж, нынешние девушки — те еще фантазерки, — похохотывая, согласился Белецкий. — Моя — тоже поклонница всей этой хрени. Только у нее не драконы, а змеи на груди. Целый серпентарий. Некоторые считают, что подобное искусство на собственном теле таит в себе опасность: дескать, змея — не самый лучший символ. Но сама она полагает, что змеи — посланники богов, поэтому через татуировку в нее входит божий дух. Не знаю, кто тут прав, но это чертовски сексуально!

— Могу себе представить, — отозвался Антон, опуская глаза, чтобы не выдать своего удивления. Купцов с волнением отметил, что собеседник говорит о своей любовнице в настоящем времени. Могло ли это означать, что Эвита (а в том, что это именно она, у Антона не оставалось никаких сомнений) неожиданно вернулась к Белецкому? Может, именно поэтому он такой жизнерадостный? Судя по последним дневниковым записям, еще недавно Сергей пребывал в плачевном душевном состоянии, сейчас же полон энергии и оптимизма.

Купцов пока опасался прояснять какие-либо детали касательно Эвиты, но уже ощущал, как в сердце у него вновь вспыхивает надежда на свидание с ней. Он осторожно ушел от этой темы и вернул разговор к сегодняшнему фильму Бертолуччи, который несказанно ему понравился своей тягучей чувственностью и откровенными сценами.

— Не понимаю людей, которые утверждают, что это фильм про испорченных бездельников, — влажно поблескивая глазами, сказал Белецкий. — Мне кажется, такие люди напрочь вычеркнули из своей жизни понятие «удовольствие». Они не живут, а прозябают. А те, что называют главных героев досужими извращенцами, у которых крышу сносит от секса, по-моему, сами нездоровы на всю голову. Фильм-то, в сущности, не об этом: он рассказывает об оборотной стороне так называемой «нормальной» жизни. И поднимает такие проблемы, о которых в обществе не принято говорить. Я всякий раз, когда смотрю «Мечтателей», страстно хочу очутиться на месте близнецов и их гостя. Хоть ненадолго погрузиться в богемное существование, когда можно неспешно экспериментировать с формами наслаждения, превращая его в объект искусства. Хочу раздвигать границы сладострастия, предаваться утонченному разврату... Тебя это не шокирует, дружище?

— Ну разумеется, нет, — с усмешкой возразил Антон. — Меня и самого не раз посещали подобные мысли и желания.

— Раз так, — заговорщицки произнес Сергей, придвигаясь ближе к Купцову, — то, может, нам стоит как-нибудь встретиться вчетвером, вместе с нашими татуированными девочками, и приятно провести время? Воплотить, так сказать, мечты в жизнь.

— Знаешь, если бы ты мне это не предложил, — с улыбкой сказал Антон, доверительно кладя руку на плечо Белецкому, — мне бы пришлось самому это сделать. Где будем знакомиться всей стаей?

— Я знаю одну неплохую сауну, недалеко отсюда, — ответил тот. — Сейчас напишу адрес.

Сергей выгашил из кармана записную книжку, вырвал из нее листок и написал на нем название и адрес сауны. Потом приписал внизу свой телефон и отчеркнул его острым ногтем. Антон закусил губу, чтобы не выдать торжествующую улыбку: наконец-то, наконец-то вечно ускользающий пленительный призрак Эвиты был готов вот-вот облечься в плоть и кровь и заговорить ее голосом.

Глава восьмая

1

Купцов очнулся от самого абсурдного сна, что ему когда-либо доводилось видеть. Ему снилось, будто он ступает босыми ногами по ромбовидному черно-белому кафелю, которым был выстлан длинный коридор. Антон дошел до конца коридора и через открытую дверь попал в ванную комнату. В ванне, заполненной до краев, лежала Юлия Анатольевна и глядела перед собой ярко-голубыми глазами с кукольными ресницами. Она была одета в черные сетчатые чулки, черную кожаную мини-юбку и длинные замшевые сапоги на высоченном каблучке — тоже черного цвета. В руке она держала розетку душа на железном шланге и говорила в нее наподобие микрофона:

— Мне снилось, что я корова. И меня очень волновал вопрос о том, может ли корова стоять на коленях. Я спрашивала у Бога: «Господи, могут ли коровы становиться на колени? Или же они вынуждены молиться при помощи сосков?» Я проснулась и поняла, что больше всего на свете хочу жить, как корова, и стоять на коленях в состоянии экстаза.

Рядом с ванной стоял голый мужчина в маске «доктора Чумы». На груди у него была золотая цепь с кулоном в виде зигзага или буквы Z. Он прикрывал чресла зонтиком, разрисованным яркими ромбами. Зонт был такой маленький, что едва скрывал от посторонних глаз его гениталии. Вращая перед собой пестрый диск зонтика, мужчина кокетливо отставлял бедро в сторону и напевал слова на мотив хита “Singing in the Rain”:

*Это ты украл мой зонт,
Да, ты украл мой зонт!*

Антону его голос показался знакомым, но он никак не мог сообразить, кому он принадлежит. Почему-то это вызвало у Купцова тревогу, и он поспешил выйти обратно в коридор. Однако тут же попал в гулкий тоннель, стены которого растягивались и снова сжимались наподобие гармошки, испуская голубоватое свечение. Насколько хватало глаз, пол в тоннеле был устлан сложенными зонтами, и их разрисованная поверхность, сливаясь воедино, образовывала ослепительный

узор. Сердце Антона билось все быстрее и быстрее — он помчался что есть духу по тоннелю, желая как можно скорее вырваться на волю. Внезапно из-за одного ребра тоннельной «гармошки» выскочил парень, в котором Купцов узнал своего напарника Габилу. Хохоча во все горло, он крикнул Антону:

— Эй, братец Каин, что не здороваешься со своим Авелем? Постой же, есть разговор!

Услышав это, Антон рванул что есть сил в сторону и, проскочив сквозь стену тоннеля, провалился в непроницаемую черноту...

2

В тот день, на который была назначена встреча в сауне, стояла исключительно хорошая погода. Чтобы насладиться все еще жарким полуденным солнцем раннего октября и видом медленно опадающего золота в городском парке, Антон решил прогулять две последние лекции. Выходя из университета, он увидел «англичанку». Та цифровой «мыльницей» пыталась сделать селфи на фоне пышного куста рябины, росшего у входа.

— Привет, красавица, — по-свойски поздоровался Купцов с преподавателем. — Давай я тебя сфотографирую, а то осенней красоты совсем не будет видно.

— Ну, давай, — согласилась Юлия Анатольевна, передавая фотоаппарат Антону. — Что, с пар сбежал?

— Ага, — кивнул Купцов. — Грех в такой день учиться.

— Тоже верно, — сказала «англичанка», художественно придерживая одной рукой ветку с гроздьями алых ягод. — Как когда-то говорил мой куратор, плох тот студент, который хочет видеть своего преподавателя.

— Вот, держи, — сказал Антон, проверив отснятый кадр. — Мысли особой в снимке нет, но мещанская красота удалась на славу.

— Мысль в фотографии — понятие условное, — философски изрекла Юлия Анатольевна, принимая от Купцова фотоаппарат и критически разглядывая изображение. — Никакая мысль, даже самая оригинальная, неспособна ни испортить, ни украсить дерево или, скажем, цветок. И солнечный свет в листе на снимке останется светом, и ему плевать на то, что ты думаешь по этому поводу. Так что вряд ли ты можешь привнести в кадр какую-то особую идею. Чувство, наверное, да. Можно передать эмоцию, сиюминутное впечатление — и этого уже достаточно, чтобы родилось искусство.

— Ну, это вопрос спорный, — возразил Купцов. — У меня есть одна книга, она как раз затрагивает философские аспекты художественного снимка. Называется «Поэтика фотографии». Хочешь почитать?

— Ну а если хочу? — уклончиво спросила «англичанка». — Что ты от меня за нее потребуешь?

— Абсолютно ничего, — усмехнулся Антон. — Я же сказал, что не собираюсь тебя шантажировать или как-то иначе использовать. Если хочешь, можно прямо сейчас пойти ко мне, и я тебе вручу этот труд.

— А ты тут же попытаешься в своем логове затащить меня в постель, да? — с сарказмом произнесла Юлия Анатольевна.

— А если и попытаюсь, то что ты имеешь против этого? — ухмыльнулся Купцов. — Мне кажется, у тебя есть абсолютно все причины быть счастливой со мной. Но что-то внутри заставляет тебя быть безумной и отказываться от своего счастья. Не понимаю, что это такое.

— Очевидно, ты не женщина, раз не понимаешь, — сухо заметила та.

— То, что я не женщина, я давно уже заметил, — хмыкнул Купцов. — Ну, так ты идешь со мной? Обещаю, что не буду предпринимать никаких гнусностей. Разве что чаем напою.

— Ну ладно, уговорил, — согласилась «англичанка». — У меня тогда будет отличный повод не ходить на заседание кафедры. Плох тот преподаватель, который жалеет часто видеть своего заведующего кафедрой.

Оба рассмеялись и с легким сердцем отправились прогуливать работу и учебу. Они неторопливо прошли через парк, в центре которого тихонько и едва приметно вращалось чертово колесо. Время от времени Юлия Анатольевна останавливались, чтобы сфотографировать желтый лист на земле или облако, чье отражение плавало в синей луже. Постояли несколько минут на берегу пруда — по глади его скользили белые лебеди-катамараны. Изредка преподаватель и студент обменивались парой фраз, но им было хорошо и без слов в эпицентре вселенского спокойствия. В эти минуты безмолвного общения у обоих возникло какое-то новое чувство — может, нарождающейся душевной близости, а может, непривычной гармонии. Боясь спугнуть это драгоценное ощущение впустую брошенным словом, они наслаждались им молча, заменяя слова взглядами и полуулыбками.

3

— Слушай, Антон, никак не могу сообразить, что это за улица, — сказала «англичанка», когда Купцов открывал дверь подъезда в своей пятиэтажке.

— Достоевского, — ответил тот, пропуская преподавателя вперед.

— Вот как? — удивилась Юлия Анатольевна, поднимаясь по тускло освещенной лестнице. — Я думала, улица Достоевского правее расположена.

— Да тут из-за пруда план города так хитро искривляется, что сам черт голову сломит, — весело объяснил Купцов, останавливаясь перед дверью своей квартиры. — В этой точке пересекаются три улицы: Шекспира, Достоевского и Кинематографическая. Таксисты с ума сходят, разыскивая нужный адрес. Пройди, пожалуйста.

Антон подождал, пока Юлия Анатольевна снимет обувь, и гостеприимным жестом пригласил ее на кухню.

— Я сейчас тебе книгу найду, — сказал он, — а ты пока можешь чайник включить. Ты же не откажешься после такой славной прогулки чайку выпить?

— Разумеется, не откажусь, — улыбнулась «англичанка». — Мне бы только руки сначала помыть.

— Хорошо, пойдем, я тебе свет в ванной включу, — сказал Антон, — а то вряд ли Лилечка запомнила расположения выключателей в свой первый визит.

— Да уж, — фыркнула Юлия Анатольевна, — это было проблематично.

Когда она вернулась к Антону, умытая, с умиротворенным выражением лица, на кухонном столе ее ожидала отлично изданная книга «Поэтика фотографии» и свежесваренный чай с крекерами и шоколадом.

— Да это же просто праздник какой-то, — весело потирая ладони, воскликнула «англичанка» и уселась за стол. — Руки чешутся поскорее открыть книгу. Но я себя немного помучаю — сперва чайная церемония...

Они пили чай, непринужденно беседовали о звуках английского языка, пейзажных снимках и новинках кинематографа, когда в дверь позвонили.

— Кто бы это? — удивился Антон, уронив фразу на полуслове. — Соседка, наверное, опять за солью пришла. Сейчас, одну секунду...

Купцов вышел в коридор и открыл дверь. На пороге застыли два человека в элегантных черных костюмах, а на шаг впереди своих спутников стоял не кто иной, как Эльдар — обладатель роскошного мотоцикла «Харлей Дэвидсон». Он был одет в кожаную куртку и джинсы, на груди у него висела массивная золотая цепь с кулоном в виде буквы Z. Эльдар с нескрываемым любопытством взирал на юного хозяина квартиры.

— Добрый день, — вежливо поздоровался он и неторопливо поднес к глазам Антона раскрытое удостоверение следователя полиции. — Купцов Антон Данилович — это вы?

— Да, — чуть помедлив, ответил Антон. — Чем могу быть полезен?

— У нас есть ордер на обыск вашего жилища, — пояснил Эльдар. — Позвольте пройти?

— А на каком основании вы собираетесь учинять тут обыск? — с вызовом поинтересовался Купцов, имитируя речь и интонации одного из киногероев, попавших в подобную ситуацию. Трудно было понять сразу, что он растерян до глубины души.

— На том основании, господин Купцов, — невозмутимо ответил сотрудник полиции, — что вы подозреваетесь в массовом ограблении людей и сопряженном с грабежами причинении телесных повреждений. Не усугубляйте ситуацию оказанием сопротивления работникам органов. Дайте нам пройти.

Антон молча посторонился, и вежливые «гости» вошли в квартиру. Увидев сидевшую на кухне Юлию Анатольевну, Эльдар дружески ей кивнул.

— Здорово, помощница следствия! — сказал он и повернулся к парням в черном. — Ну так что, ребята, приступаем к обыску?

— Только смотри, мать твою, — предупредил Эльдара один из сотрудников, — если это все — лишь твои романтические фантазии, бутылкой не отделаешься.

Эльдар вытащил наручники и, как он любезно выразился, «на всякий случай» надел их на Купцова. Тот ошеломленно взирал то на него, то на «англичанку», отказываясь понимать, что все происходящее вокруг него — не сон. Юлия Анатольевна с сочувствием посмотрела на студента.

— Прости, Антон, — сказала она, — я не могла поступить иначе.

Взяв со стола книгу «Поэтика фотографии», она ушла к Купцову в спальню, оставив мужчинам вершить мужское дело.

Искать улики долго не потребовалось: сотрудники открыли платяной шкаф, и оттуда одна за другой посыпались пустые сумки Антоновых жертв. Из нижней выпали палочки загадочного барабанщика, который шел домой с ночной «халтуры». С грустным стуком палочки ударились о паркетный пол.

— Ма-ать вашу, — с чувством протянул один из мужчин в черном, извлекая на свет железный лом — на нем красовались потемневшие пятна крови. — Ну ты и влип, парень. Ты хоть представляешь, какой тебе срок светит?

— Его вина пока не доказана, — примирительным тоном сказал Эльдар, легонько похлопав по плечу Антона — тот угрюмо разглядывал сквозь оконное стекло колесо обозрения. — Еще предстоит долгий следственный процесс.

— Ну-ну, — сквозь зубы процедил один из его спутников. — В общем, так, Элик, мы поехали на задание. Я позвоню в отдел, попрошу, чтобы сюда прислали машину с большим багажником для вещдока, ну и чтобы этого красавчика отвезти в КПЗ. Но тебе с ним, наверное, часок придется посидеть здесь. Надеюсь, скучать не будете.

— Пока, ребята, — сказал им вслед Эльдар. — Спасибо, что согласились помочь.

В прихожей послышался звук хлопнувшей входной двери, а потом в квартире наступила тишина.

Эльдар присел на корточки перед огромной грудой вываленных из шкафа сумок — неумолимых свидетелей Антоновых злодеяний — и молча вытянул одну, из дорогой крокодиловой кожи. Он открыл сумку и, улыбнувшись, достал пачку негативов и отпечатанных фотографий.

— А я уже не чаял когда-нибудь увидеть свои «шедевры», — сказал Эльдар. — Спасибо, что не выбросил мои фото за ненадобностью.

— В каком смысле — ваши фото? — с недоумением произнес Антон. — Это сумка совершенно другого человека.

— Да что ты, — иронично усмехнулся Эльдар. — Самая что ни на есть моя. Тут, кстати, тетрадь лежала. Надеюсь, она цела?

— Какая тетрадь? — медленно спросил Купцов, все еще не понимая, что происходит.

— Антоша, не тупи, — сказал Эльдар. — Та самая тетрадь с обзорами фильмов. Ты ведь так лихо пересказывал их на английском языке, выдавая за свое творчество.

Только сейчас до Купцова начало доходить, как бездарно он себя подставил — абсолютно по-идиотски, не оставив ни малейшего шанса для самооправдания. Мало того, что он не удосужился избавиться от улики у себя в доме, понадеялся на необыкновенное везение, так еще и проявил чудовищное легкомыслие, обнаружив записи своей жертвы. Но как, как можно было предугадать, что судьба так перетасует карты и столкнет его именно с этим человеком — в ситуации, просчитать которую было ну совершенно невозможно?! Однако теперь, как говорится, поезд ушел: капкан захлопнулся, и беспечная мышка в нем безнадежно застряла.

— *Папа, папа, бедный папа, ты не вылезешь из шкапа,* — задумчиво произнес Эльдар, догадываясь о том, какие именно мысли крутятся сейчас в голове вконец запутавшегося студента.

— *Ты повешен нашей мамой между платьем и пижамой,* — мрачно докончил Купцов этот забавный стишок, который, разумеется, вычитал в тетради своего друга Сергея Белецкого. Блин, какого, на хрен, Сергея? Получается, что Белецкий — еще одна насмешка судьбы над ним. Она за нос водила Антона от одной иллюзии к другой, а он, как последний дурак, с восторгом принимал все эти миражи за действительность. Ан нет, фиг вам: *центральным компонентом человеческого культурного опыта является иллюзия**, утверждал титан научной мысли Ю. М. Лотман. А вовсе не объективная реальность, как полагал хороший студент Антон Купцов.

— Ну расскажи, что ли, Антон, как ты докатился до такой жизни, — предложил Эльдар, непринужденно допивая холодный чай. — Представь, что я твой адвокат и хочу помочь тебе выпутаться из этой непростой ситуации. А я действительно могу это сделать. Если сочту нужным, конечно.

Купцов минуту помолчал, а потом начал обстоятельно рассказывать историю своего грехопадения — начиная от проигрыша на венецианской вечеринке и заканчивая ночными передвижениями по квадратам городских кварталов. Он осмелился поднять глаза и посмотреть на Эльдара, только когда окончил свое повествование. Тот глядел на Антона с сочувствием и в то же время с великим любопытством.

— Да, парень, — проговорил он задумчиво. — Теперь мне многое стало ясно. Хотя, признаться, мне тоже трудно поверить в подобные зигзаги судьбы. Хочешь знать, кто скрывался на карнавале под маской Доктора Чумы? Это был я — да-да, не делай такие большие глаза. Если бы ты тогда не бросился от меня, как от чумы

* Цитата из статьи Ю. М. Лотмана «Семиотика кино».

(прости за каламбур) и дал мне с тобой поговорить, ничего бы этого не произошло. Тебе интересно теперь услышать мою историю?

Судорожно сглотнув, Антон кивнул головой.

— Ну тогда слушай, — сказал Эльдар. — Как ты уже понял, я работаю в полиции вместе с этими славными ребятами, что сегодня нанесли тебе визит. Летом мы получили задание пойти на маскарад в «Затерянном раю». У нас была информация о том, что хозяева клуба решили под видом крутой вечеринки кое-кого крупно кинуть на деньги. Я примерно знал сценарий их аферы и то, в каких масках они сами будут участвовать. Мне удалось записать на видео всю вашу игру в карты и то, как они тебя развели на бабло, используя какие-то НЛП-техники — ну, что-то вроде гипноза. Я хотел тебя предупредить, что все это было блефом, что все твои деньги тебе вернут, потому что на этих сволочей были видеоконпроматы, но ты, блин, словно ушел в параллельную реальность, ускользнул прямо у меня из-под носа. Я был нечеловечески зол на тебя, потому что как можно выдвигать обвинение против мошенников без заявления потерпевшего? Они же словно почувяли, что над ними начали сгущаться тучи, и вмиг продали свой клуб. А сами свалили за границу.

Он прервался и налил себе воды из чайника. Спросил у Купцова, не хочет ли он пить — тот отказался. Тогда Эльдар продолжил рассказ:

— Вскоре после этого я получил от тебя в темноте по голове. Хотя, конечно, не знал, что под маской скрывался именно ты. А потом из разных районов города стали поступать заявления от людей, которых грабили по ночам при схожих обстоятельствах. Разумеется, они точнейшим образом описывали имущество, которого ты их лишал, а некоторые прилагали справки из травмпункта. Я был очень зол на преступника, который творил этот беспредел, и лично хотел посадить его за весь причиненный мне ущерб. Но этот человек оказался каким-то дьяволом, поймать его было просто невозможно. Люди, которых он грабил, описывали его как черную тень: она внезапно вырастала перед ними из темноты и загробным голосом требовала деньги. Именно этот бесформенный сгусток черноты приводил его жертв в неопикуемый ужас.

— Позже я попытался философски отнестись к тому факту, что сам угодил под железную палку этого грабителя-фантома, и отпустить личную злобу, — вдохновенно говорил Эльдар. — Однако иногда мне становилось нестерпимо обидно за себя, за то, что меня лишили моих чудесных фотографий, и я обращался с мольбой ко всей Вселенной. Я просил свести меня лицом к лицу с негодяем, чтобы лично ему отомстить. Я хорошо знал по своему опыту, что, если очень сильно захотеть притянуть к себе преступника, он сам рано или поздно отыщется. По каким-то неведомым нам законам. Однако сначала притянулся некий дагестанец по имени Габил Абдуллаев. Его случайно взяли с поличным, когда он продавал награбленные тобой вещи. Парень поначалу отпирался, но потом его немного припугнули, и он живо набросал твой словесный портрет, по которому составили замечательный фоторобот. Когда я увидел твое лицо, оно мне показалось до боли знакомым, но уже гораздо позже я припомнил, что именно с тобой у нас произошла небольшая стычка в ресторане. И то лишь благодаря Юльке: она напомнила мне о той ссоре, а потом ошарашила, сказав, что отныне ты ее студент. Я был поражен не меньше ее этим совпадением, хотя доказать, что именно ты — преступник, было бы очень трудно, никаких улик у нас не было. Но тут ты решил повыпендриваться и приготовил обзор «Хохотушки», переведя текст из моей тетради, которая, к несчастью, оказалась у меня в сумке в тот злополучный вечер. И это была твоя роковая ошибка. Если бы я не знал лично мною сочиненный текст, который преподнесла мне Юля (а она была заинтригована похлеще моего), я бы еще мог подумать, что

это ты сам написал, но таких совпадений, наверное, просто не бывает. Теперь я был уверен, что тетрадь у тебя, хотя, конечно, не мог на сто процентов утверждать, что именно ты был тем самым преступником, который лишил меня моих вещей. Мало ли, вдруг ты нашел тетрадь на дороге: человек с ломом ведь мог ее за ненадобностью выбросить. Я понимал, что тебя нельзя никоим образом напугать, дать понять, что полиции что-то известно. Ты бы мог тогда моментально избавиться от всех улик, которые, предположительно, были у тебя дома. Ты мне сильно облегчил эту задачу, пригласив сегодня Юлю к себе. Вызвать же меня было делом одной минуты: в ванной она написала смс, что находится у тебя и если приезжать с обыском, то именно сейчас, пока «клиент» дома и ничего не подозревает. Вот, пожалуй, и вся история.

— Нет, не вся! — воскликнул Антон, играя желваками. — Знаете, если я и раскаиваюсь в том, что грабил других, то вам поделом досталось. Сейчас я рад, что именно вы тогда попались мне под руку. Догадываетесь, почему? Потому что вы увели у меня девушку, которую я до сих пор безумно люблю.

— Какую девушку, Антон? — с недоумением спросил Эльдар. — Ты, случаем, не бредишь?

— Какой вам толк теперь отпираться? — презрительно скривился Купцов. — Вы столько о ней рассказывали. И о том, как она пренебрежительно отзывалась обо мне. А впрочем, чего я так злюсь? Она и вас ведь кинула во всех смыслах.

— Да ты о чем вообще говоришь, парень? — воскликнул Эльдар.

— Разумеется, о вашем дневнике. Вы так подробно в нем смаковали ваши странные отношения с девушкой, у которой на груди татуировка змей. И, кажется, не меньшее удовольствие вам доставляло описывать, какие гадости она говорила обо мне.

Какое-то время Эльдар ошеломленно глядел на Купцова, не в силах вымолвить ни единого слова, а потом сказал мягко, как врач говорит пациенту, безнадежно сошедшему с ума:

— Антоша, это *не* дневник... Это часть повести, которую я в то время сочинял урывками и не успел дописать. Мне не жалко было утраченной сумки и даже фотографий, но безумно жаль было потерять свое незаконченное произведение. Оно мне казалось таким интересным, а образы его являлись ко мне как живые. Недаром мои коллеги подшучивали надо мной, называя романтиком. Антон, пожалуйста, отдай мне мою тетрадь — и тогда в тюрьме ты будешь знать, что искупил свою вину, спася мое еще не рожденное дитя, мое творение...

— Так, значит, вы не знаете никакой девушки с татуировкой змей? — спросил Антон потерянным голосом. — Вы все это просто *придумали*? Но ведь вы в точности описали события моей жизни, даже по датам все совпадало.

— Н-да, — потирая подбородок, озадаченно проговорил Эльдар. — Кажется, ситуация вышла из-под контроля — жизнь начала подражать искусству. Ну, разумеется, я придумал эту девушку, так же как и второго ее любовника, то есть, надо полагать, тебя. Точнее, получается, что не придумал, а просто списал с людей, которых никогда в жизни не видел и не знал. Ну надо же, как интересно: не каждому писателю выпадает в жизни шанс встретиться с созданными им самим персонажами — ради этого стоило и по башке получить. Что ж, спасибо тебе за такой опыт. Теперь я, пожалуй, знаю, куда дальше вести повествование. Признаться, я тогда с ним зашел в тупик — впрочем, как и со всей своей прошлой жизнью... Так где тетрадь, Антон?

— Лежит в верхнем ящике моего письменного стола, — глухо отозвался Антон. — Пойдите, а как же фотография девушки с расписным зонтиком? Ведь это же вы ее сделали? Стало быть, вы слукавили? Вы все-таки знаете Эвиту, да?

— Фотографию я сделал совершенно случайно на улице, — удивленно сказал Эльдар, — но тогда я видел эту девушку первый и последний раз в жизни. Я еще спросил, где можно купить такой зонт, и она дала мне визитку какого-то магазина. Так это что, она и есть? Моя героиня и любовь всей твоей жизни?

Антон молча кивнул головой.

— И ты говоришь, что ее зовут Эвита? — задумчиво уточнил Эльдар. — Удивительное имя.

— А что за имя, интересно, вы скрывали под буквой «Э»? — с невольной улыбкой поинтересовался Купцов.

— Точно не знаю. Может, Эмма. А может, Эльвира, — отозвался Эльдар. — Ну конечно, как же я сразу не догадался: это могла быть только Эвита. Маленькая Ева, изгоняющая нас из Рая...

